РАЗожми ЛАДони

Наталья TALISTORIA Белоненко

16+

Наталья Белоненко

Разожми ладони

«Автор»

2018

Белоненко Н. «.

Разожми ладони / Н. «. Белоненко — «Автор», 2018

Порой больше всего правды о себе можно найти через другого человека. Когда встретишь такого. А до того - не раз тебе принесут искажений.Эта девочка — декоративная пиранья. Наследственная красота и пустота её матери + безответственность и широкие возможности отца. За ней уже есть шлейф той, с которой лучше не связываться. Но найдется тот, кого не предупредили.Он - сосредоточен на построении спортивной карьеры и не помышляет отвлекаться. Она - проскальзывает мимо и не помышляет о парнях. Но разве они способны пройти мимо друг друга?Он нашёл свой идеал... Только у неё шалят нервишки. Сумеет ли он "расколдовать царевну"? Сумеет ли Она вступить с ними в это заклинание любви - в реальности? И кто намерен им помешать? Откуда всё заклятия?

© Белоненко Н. «., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог 5
Часть 1. Привет 6
Глава 1. По ветру, или В темпе (но не вальса) 6
Глава 2. Послевкусие 10
Глава 3. Мима 11
Глава 4. Мима не прошло 16
Глава 5. И все-таки 21
Часть 2. Ии 27
Глава 6. В игровом тонусе 27
Глава 7. А был ли свисток 29
Глава 8. И дивный образ растворится 31
Глава 9. Может, и можно 35
Глава 10. Может, можно 37
Глава 11. Потому что… 39
Глава 12. Мало мужиком родиться 42
Глава 13. По делу 44
Глава 14. Разжать Пальчики 45
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Наталья Белоненко
Разожми ладони

Пролог

Пролог: (Глава 35). Исполнилось

Mirage [Aaron Static Remix] [Psycho 13] Menik & Native.mp3

Он встрепенулся,

и пробудился. Оглядел просторную комнату, в сумраке которой угадывалось много дизайнерски-белоснежного. Реальность, постепенно возвращалась к нему, напоминая, что всё —

хорошо. Ну вообще. Прям всё.

Что всё – сбылось.

Хотя сны в обход памяти, с которой как-то удалось договориться, то и дело отправляли его – туда,

Chris Nemmo feat. Ares Duke, Helena K – Wastin' Time.mp3

где всё исполнившееся было ещё мечтами. И намекали, что счастье и исполнение – не всегда одно и то же. И счастье – осталось позади – там, в той поре, когда до исполнений было ещё далеко, а его терзали лишь мечты обо всем том, чего он достиг теперь.

Рядом шевельнулось что-то настоящее,

и ему захотелось поскорей уснуть обратно.

* * *

Стас Пьеха – Думать (о ней)

Часть 1. Привет

Глава 1. По ветру, или В темпе (но не вальса)

Годом ранее

Crazy Town – Revolving Door.mp3

сменил

Simple Minds – Spaceface.mp3

Музыка в наушниках пробовала угнаться за ним,

но он срабатывал на опережение. Она звучала такой громкостью, чтоб оставить ему шорох его новеньких ультрамодных кроссовок об асфальт,

брусчатку,

плитку,

и газон. Музыка продолжала оставаться на шаг позади, неслась вдогонку. Но нет,

у него всё было под контролем. И всё – преодолимо в полпрыжка: любые скорости, любые дистанции. Он шел по диагонали, пересекая различные прогулочные (и не очень) плоскости – дорожки, поля, бордюры, и ограды. Порой озирался по сторонам удовлетворенным «сытым» карим взглядом хозяина, странным спокойным удивлением рассеянно охватывая, «обнимая» давно знакомые и изведанные пространства. Он знал эти места с детства, (из которого да, уже вынырнул!), они были его-шними, «СВОИМИ!»

кому бы ни принадлежали формально, и сколько б таких же, как он, ни считали их так-же своими, ровно в той же степени. Все упомянутые – привыкли щедро делиться этими просторами и всей этой красотой – с её уникальной планировкой и идеальным озеленением, которые все без исключения обитатели привыкли показывать гостям как местную достопримечательность, как «свой собственный» парк или какой-то архитектурно-ландшафтный уникум,

а не частное учебное заведение. И свое пускай и временное, но пристанище,

дом.

Другой человек заблудился бы в этих лабиринтах похожих друг на друга отрезков земли и покрытий,

но только не он. Он знает тут каждый камешек, каждую лазейку, каждую трещинку на покрытии. Он знает кратчайшую дорогу, и не попадется в сетки ограждений.

Перед ним простирался простор, лишь условно разделенный на ландшафтные или пространственные зоны. Он менял газон на гравийку, потом асфальт на бордюр, игнорируя «как свой» ограничения под ногами. На эту картинку голографикой накладывалась другая: островок коллективного единения в общей неиссякаемой энергии и безграничном доверии. Его любимая работа. Он выбрал её в самом детстве. И сейчас это – то, что он готов был забрать из детства с собой. Туда. Вперед.

Он моргнул, но это не смазало картинку из ближайшего прошлого, которое ещё до конца не отпустило: хорошее было утро. Результативное. И музыку в наушниках сейчас флешбеком заглушали знакомые голоса, звучавшие одобрительно, и сливавшиеся в одно общее эхо, в котором у него – своя партия. И это была другая музыка, к которой он привык. Все эти застывшие пейзажи за спиной остались без него не на долго. Эта мысль приносила в его жизнь какой-то совсем несвойственный его возрасту, его натуре, и его набранному тему движения,

…покой. Какое-то особое уютное спокойствие, когда не хочется совершать никаких манипуляций со временем: ни ускорять его, ни останавливать, ни переворачивать вспять. Как будто всё – своим чередом. И хорошо, что завтра наступит, и принесет с собой всё, что должно.

И хорошо, что это будет – лишь завтра. Так бывает только когда знаешь свое место, и несешь его по жизни в любом темпе в любые направления.

Он не спешил,

просто привык держать себя в тонусе: ему нравилась набранная скорость на пешеходном пределе, в полетной легкости, на грани того, чтоб пустить себя легкой трусцой. Он поймал кураж – эту пружинку в шаге, способную по первому зову оторвать его от земли и бросить – запустить вперед: казалось, один толчок,

и ноги понесут его – туда. В даль. И ни одной преграды навстречу. И нет, он вообще не устал сегодня. Он искал, и не находил ни одной причины, почему б ему не сорваться вперед, прям сейчас, опять. Бесцельно, просто в дань стихии – Его Высочеству темпу и движению…

Нет, пожалуй, одна причина всё же была: не хотелось прийти домой по такой погоде слишком скоро. Там, наверняка, найдется что-то интересное, но не хотелось прощаться вот с этим моментом прям сейчас. А дом – он здесь: пересечь территорию Академии, пару полей, выйти за ограду, приветливо и бегло кивнув охране на КПП, перейти дорогу вдоль популярного в городе жилого массива и ещё более популярного новенького красавца-стадиона мирового топ-уровня, и затеряться в жилом комплексе – престижном соседе модного архитектурного красавца. Всего то. А тут – теплый южный сентябрь. А там – компьютерная стрелялка,

она подождет.

Стройные благородные красно-коричневые уголки домов, выглядевшие детским конструктором с высоты птичьего полета, с которого всё это великолепие так любят снимать квадрокоптерами местные жители и многочисленные гости отовсюду, и выкладывать в инстаграм-группы, соревнуясь в изысканности ракурсов, здесь на земле напоминали компьютерную бродилку. Аккуратно сложенные в причудливую ассиметричную мозаику и затейливо озелененные, насыщенные кафешками, салонами, магазинчиками, причудливыми общественными зонами и арт-объектами, они носят красивое имя «Панорама». Это слово вырывается из уст всех местных обитателей каждые 5 минут. Кажется, даже название это – модно и привлекательно ничуть не менее того, что оно обозначает.

А может, просто любимо. Панорама – новенький островок приятных жилплощадей и уютных современных дворов среднего класса, населенных интеллигентными воспитанными молодыми семьями и урбанистическими бизнес-одиночками, знатно разбавлено и ими – ребятами разного возраста в узнаваемой экипировке. Они – занимаются спортом в разной степени,

или пытаются заниматься,

или думают, что занимаются. Или – просто болельщики, имеющие полное право приобщаться, пускай даже фирменной атрибутикой, купленной неподалеку, но отдав за неё не только денежные знаки, но и часть себя – своё время, свой голос, свои мысли и чаяния. Свой выбор.

Он же сам – так выглядит по преимущественному праву. Он (как и вся его команда) – первый выпуск молодой частной академии – само воплощение клуба, воспитанник. И где-то в брэндированном рюкзаке болтается кусок пластика – пропуск-аккредитация, где официально сообщается, что он – игрок молодежного состава на юношеском профессиональном футбольном контракте. Там же можно рассмотреть приличного интеллигентного вида внушительного русого блондина на фото. Его же можно рассмотреть в проплывающих мима витринах, и в глазах идущих навстречу. Народ привык, что повсюду снуют футболлллеры разных мастей – от любителей до профессионалов, но пока не привык не обращать на них внимания.

Максим не был выпендрежником – это вообще не в стиле защитников, ведь понтуются чаще напы[1] – те кто по призванию своему, роли и амплуа находятся в центре внимания: совершают самые заметные вклады в победу, и по определению собирают основную часть «лавров».

[1] Нападающий футболе (разг.), так же Форвард

Защитники в этом смысле и по амплуа, как и по складу характера – тише и основательней – их вклад чуть менее заметен, но куда ж без них, игра идет ведь не в одни ворота!

Так что Максим, ответственный и командный, не мнил себя центром (поля, или вселенной, или этой площади). Или всеобщего внимания. Но он с детства усвоил, что эмблема, которая красуется на груди его черно-серого дутого жилета поверх благородного оттенка изумрдной майки – престижный отличительный знак. Знак качества. Статус. Она означает множество событий, преодолений и стараний, пройденных год за годом в своей команде, многократно подтвержденную свою роль, естественный отбор, и знание своего места. И своего дела.

Словом, он шагал вдоль новенькой оживленной площади, посвященной Его Высочество Футболу – с полноправным ощущением себя: в нем скромно помалкивал командный индивидуализм и компетенции. И самостоятельность, привитые с детства каждому воспитаннику.

Девчонка, идущая навстречу тоже задержала на нем красноречивый взгляд, вскинув его вверх. Ну да, что поделать,

на его позицию берут только самых высоких и крепких, монументальных парней. 189. Спасибо папе за генетику.

Взгляд девчонки, который он принял как должное, перебил звонок Маши. Симпатичной блондинки. Умницы, веселой и легкой, милой и понимающей. С которой они общались с апреля. Эпизодами. В последнее время – чаще.

Он уже разговаривал с ней. Позавчера. Он не мог объяснить, почему у них ничего не получится. И не хотел провоцировать её на новые попытки, и новые ненужные эмоции. Он вообще-то человек спокойный, взвешенный, и не эгоист. Поэтому историю эту закончил просто. Как умел. Послал извинительное короткое смс, и перестал отвечать. Что ещё сделать для неё, он не знал.

Ну как объяснить человеку, что за несколько месяцев, после всего, он так и не начал называть ее «своей». Как объяснить это человеку, который не хочет этого слышать.

Как объяснить это человеку, у которого на него свои планы. Крепко сложившиеся.

Он быстро отмахнулся от неотвеченного звонка, с одного шага затоптал хилый росток чувства вины. И снова кинулся в омут света и отражений. И нет ничего такого, что могло остановить его, прервать его полет.

Купаясь в яркости пылающего ещё не остывшим летом сентября, ловя отблески в витринах, и несясь навстречу будущему, разрезая ветер, он вдруг

напоролся.

Кафе с панорамным остеклением называется «Пресковью». И там подают вкусные маффины.

Именно такой надкусывает брюнетка восточного типа в окружении одних и тех же подруг. Иногда он видит её где-то неподалеку,

и это всегда сбивает его с его нормального привычного ритма.

Он знает ее имя. Теперь. Сам не знает, зачем. Потому что он не собирается его произносить.

Даже про себя.

Вот черт, произнес.

И еще раз. Половинку.

Потом вторую. А еще он знает, что она – студентка журфака. Теперь. Знает. И имя. Опять знает.

Он пробует на вкус во рту эти 6 букв. Потом 4, короткий вариант. Обсасывает их мыслями. Смакует. Это необычное имя,

которое ему

совсем не нужная информация. Прилипло к его мозгам, как приторная глазурь. Такая, как к её губам, которую она смахивают языком. Туда. В глубь.

Лишняя информация. Сахар – вредно!

Хотя он сам расспросил о ней однажды. Человек 15, вереницей, целый месяц справки наводил. И друзей подключил. Просто чтоб примерить ей имя.

И оно ей – подошло.

Он попробовал оторвать себя от стекла, и протащить мима. Ощущение возникло – как будто носом об асфальт. И ушибленное сегодня колено тут-же заныло. И захотелось маффина.

Подумаешь, она все равно не заметит.

* * *

Глава 2. Послевкусие

Она и не заметила.

Дома он потом какое-то время носил на себе шлейф её присутствия. И не смог больше слушать музыку, которая казалась теперь в его голове чужеродной, как будто таки-догнала, и реваншем долбит по башке.

Странно все-же носить на себе осадок присутствия человека, когда его уже нет рядом, и ты даже не знаешь,

где она. Теперь.

Зато знаешь, что даже когда она сидела через столик, между вами было непреодолимое пространство. Непроницаемое во всей своей видимости – ни малейшего шанса как-то перескочить в ту параллельную вселенную. Ей там и так хорошо.

Пускай ей будет хорошо. И к черту все это.

К черту. Ладно. И… пускай ей будет хорошо. Там.

Dear Rouge – Black To Gold.mp3

Интересно, когда она появится здесь в следующий раз?

Просто интересно.

Просто.

The Hardkiss – Stones.mp3

* * *

Глава 3. Мима

– Может, зайдем в магаз, похавать возьмем?

– А чего ты хочешь?

– Не знаю, консерву какую нибудь. Готовить не охота.

«Готовить».… Как ножом…

…по лейблу любимой олимпийки. К такому их академическая жизнь их не готовила! Там всегда была вкусная столовка!

– Да у нас есть какие то огурцы, яйца, и зеленый горошек. И ещё вчерашняя моя картошка жаренная осталась.

Ура. Хоть что-то.

Без разницы.

– А зеленый горошек откуда?

– Я вчера 5 банок приволок, чем ты слушаешь, брат?

Съязвив что-то в ответ в привычной пикировке, он улыбнулся с теплотой: ни разу за эти пару месяцев после переезда из Академии на арендованную клубом им как перспективным и «подписанным» выпускникам квартиру, он не усомнился в решении снимать жилье именно с этим спокойным адекватным прикольным пацаном, который умеет держать в тонусе, не напрягая. Впрочем, вопроса особо и не стояло: они 4 года до этого жили в одной комнате.

Ромка, 3й нап команды, всегда был человеком, который умеет ценить то, чем обладает, без намека на нездоровую конкуренцию. Впрочем, у них вся команда такая. Тренер, Олег Рустамович, научил не просто знать и уважать, но и дорожить своим местом, с которого всегда нужно быть готовым стартонуть вверх, дождавшись однажды своего часа и почувствовав момент.

Так и бывало. Не единожды. И многие уже сумели «выйти из тени», едва перешагнув порог 18-летия. Или ещё даже не перешагнув. Остальные – работали и выжидали, зная, как пристально за ними наблюдает хозяин клуба, скауты, агенты, и даже СМИ. Вот и сегодня на тренировке приметили загадоШного чувака, который внимательно наблюдал.

За кем – это отдельных вопрос обсуждений из раздевалки. Вроде, и есть очевидности, а вроде, и всё возможно))) И парни как стайка воробьев на жердочке, вычисляли, куда поворачивалась голова иностранного скаута, куда был направлен его взгляд, и кто что смог прочесть с его губ с дистанционным «сурдопереводом» хозяина. Все угадали разное. Но главное – каждый говорил «да не, с чего б прям я? Да он на тебя вообще смотрел!». Даже Лешка, главная звезда команды, со своими мельканиями в СМИ и 5-ю нулями на трансфермаркете в твердой европейской валюте. Все 3 главные звезды в команде отличались адекватной, разбавленной чувством собственного достоинства и всеми пониманиями, стойкой скромностью – это было заключено в политике клуба по воспитанию молодой «поросли». А Макс входил в первую… пускай будет восьмерку, поскольку твердо был в числе восьмерых, регулярно вызываемых в юношескую сборную страны до 19 лет. По крайней мере, место в стартовом составе на своем месте центрдефа[2] он отвоевал себе прочно. И был этим вполне удовлетворен. На столько, чтоб все свои волю, внимание, настойчивость и концентрацию направить именно в это русло.

Может, поэтому не повезло Маше? А она настойчивая. Уже 2й месяц дозванивается.

Идя в футбол, все парни мечтают быть неудержимыми и фееричными нападающими. Потом, попадая к первому тренеру, многие переживают первую ломку мечты, «насильно» оказываясь на других позициях. Максим тоже в свое время буянил, когда его из-за его долговязости поставили в центр защиты. И даже пробовали вратарем. Ну вратаря он убил в себе нарочно,

[2] Центрдэф – центральный защитник. Альтернативное «западное» наименование футб. позиции

сразу, но запоров вторую позицию, рисковал вылететь из перспективной команды, и потому покорно притих. И не прогадал. Позже мечта претерпит ещё множество трансформаций, приобретая очертания реальной сложной ответственной строго координируемой «свыше» работы, прежде чем оформится в бейджик в сумке с фирменным логотипом. И если она при этом не сломается и не перестанет быть мечтой, тогда ты – на пороге. На пороге её.

Карьеры.

Судьбы профессионального спортсмена.

И нет ничего слаще, и желаннее этого. Всё остальное второстепенно в жизни, когда на горизонте маячит перспектива основы, в которой уже попробовали двоих из трех звезд Молодежки. И взрослый контракт, какой подписали в прошлом году с первым выпускником академии. Большие деньги, именитые соперники, серьезные стадионы, многотысячные трибуны, заполненные «под завязку». Безграничность возможностей материальных и статусных. И все это – в шаговой доступности. От твоей твердой позиции на поле. Теперь уже родной.

Когда всё это на горизонте, больше и думать ни о чем не хочется. Вот реально, остальное… ну не то чтоб прям пыль,

но довольно размытая картинка.

– Макс, смотри! Это не она?

– Кто ещё? – среагировал он слишком резко, хотя узнавание случилось за секунду до услышанного.

– Ну она же, да?

Вот блин,

у него и так взгляд как намагниченный самопроизвольно настраивается на неё, сам собою, без предупреждения о присутствии,

да ещё теперь и Ромка в курсе.

И как так вышло?

– Не похожа. – фыркнул он, ускоряя шаг.

Как обычно, её присутствие меняет его темп. Или на спонтанное замедление совершенно некстати, или на непроизвольное ускорение.

– ддда лааааааааадно! Ну ладно. Как скажешь.

И в этом был он весь. Друг. И повернул следом, ничего больше не спрашивая, и нашел что рассказывать, не требуя ответного внимания, когда они поровнялись с этой лавочкой.

Её не было больше двух недель. Хотя он часто проходил теперь именно через этот двор. Интересно, кто у неё живет в этом подъезде?

Парень?

Поглядеть бы.

Нет, лучше не надо.

* * *

Впервые он увидел её на вечеринке в соседской квартире. Соседского дома, у знакомых в компании.

Вообще, парни из его среды, несмотря на некоторый ореол элитарности, условной «безусловной» популярности в любых кругах, и при сопутствующем стабильном неизбежном внимании в свои 17–19, не все и не всегда при девчонках. Даже самые нормальные, заметные, общительные и самолюбивые. Просто постоянные разъезды, сборы, строгий режим, пятоедесятое. Надзор ещё недавно… Высокий спрос по репутации… С пристрастием-то их Шефа к кадетским традициям…

Да и молчаливый брэндированный статус сам по себе на столько самодостаточен, на столько «кастингован», почти недосягаем для многих «просто норм девочек с округи», а образ

жизни ещё пока столь умерен, что дополнять его (статус) коллекцией «проходных» подружек для крутости – парни как-то особо и не привыкли. Ну пока ещё… Есть ещё время поприсматриваться, не размениваясь. А вереница любовных побед и богатых тусовок…

как-бы ожидает впереди. Ну теоретически. Когда все «устаканится» с карьерой.

Да и практически тоже. Судя по старшим друзьям.

Хотя умные люди вроде тренера Олега Рустамовича или Президента клуба говорят, что там где начнутся тусовки и загулы, быстро закончится футбол. Как и любая профессиональная самореализация. Когда он станет средством для достижения личного успеха, а не само-целью и самодостаточной идеей. И это, следует признать, не далеко от правды: кто, как не они, знают про «размытую» или разделенную концентрацию и «смещение фокусировки»… А ещё – про грядущее испытание «медными трубами» и прочими «драгоценными металлами».

Мало ли примеров перед глазами? Далеких и почти родных?

Так что особо как-то не очень-то и тянуло пока. Благо, они выросли в среде, где девчонки (и побольше!), или развлечения (и подороже!) ещё не казались обязательными атрибутами успеха, не затмевали чистой эстетической самодостаточности на общей устроенности, замотивированности к грядущим достижениям, и чувстве собственного достоинства, исходящего из светского благополучия. Ну пока, они ведь только академию закончили. Её Президент и меценат – не такой. И тренеры тоже.

Ну да, есть знакомства, походы в клубы и трендовые места, но так чтоб гулять напропалую, расшвыриваясь ещё пока не такими уж баснословными гонорарами, перелистывая романтические победы… Несколько парней – в стабильных отношениях, остальные – в поисках, похожих скорее на ленивое теоретическое перелистывание картинок в соцсетях. Главное, чтоб там были самые эффектные и популярные инста-телочки зафрендлины, и пускай все думают, что всего в избытке.

Но дома большинство юных футбо-менов ждет приставка с модными игрушками. Ещё – шокирующее новшество, что теперь придется самим готовить ужин (только после неё просыпается физическая усталость), мысли о больших свершениях уже завтра, и подстебывания по вартсапу или скайпу (в крайнем случае – с балкона) соседей по команде, расформированных где-то здесь же.

Поэтому на вечеринку с парнями из дубля – теми, что из первого «пробного» выпуска (потому что ещё не полного цикла), его занесло ну оооочень случайно: решил занести знакомому забытую в раздевалке флешку. Но «свинчивать» сразу было как-то непрестижно, да и грубовато, даже если обе «младшие» – несколько разные по возрасту и статусу команды – типа разные компании… в действительности же – конкуренты на внимание болельщиков и руководство… хотя формально и «из одного теста слеплены»… А то, что составы между собой варьировались – незаметно, но по остаточному принципу…

Однако все – одна структура! Упомянутое – вежливо не замечено. Так что вызвался дружить – вперед,

и потому уже поднимаясь по лестнице на 11-й этаж, упрямо игнорируя лифт на всё той-же полетной скорости, он настраивался на легкое отступление от режима. А именно: лечь спать на часик-полтора попозже.

А может, у них там тоже есть плейстейшн?

Просто так вышло, что один из тамашних ребят познакомился в «Ля Мажоре» («искущённый» благами «цивилизации» «блудный сын академии – дубль» «частил» туда значительно активней «неиспорченной» (пока!) Молодежки) с зачетной девчонкой, а та неожиданно оказалась не только свободной и общительной, но и соседкой по Панораме. А ещё – дочкой «папы с громадной квартирой», который в отъезде.

В хате тусить как-то давно не принято, потому что скучно, и они давно не школьники (уже полгода как!) но тут такой случай. В общем, пришлось вспомнить, как оно.

Макс Барских – Глаза-убийцы. mp3

Он заходил, она – уходила. Темные выпрямленные волосы на прямой пробор по плечам, стильная отутюжнная небрежность во всем облике. Та девочка, которая даже в нарочито грубом балахоне и кедах – королева на фоне явно готовившихся к выходу «в свет» подруг. Породистая.

Они столкнулись в прихожей. Он, чтоб не толкаться, долго отмороженно наблюдал, как она обувается в белоснежные кеды, как прощается, кому-то вежливо, ну очень вежливо, до отчуждения, улыбается. Уже исчезает за дверью. Со своим неуловимым рассеянно-задумчивым взглядом.

Потом, когда он уже потерянно и покинуто уронил себя на диван, вдруг возвращается за чем-то забытым, и снова долго прощается. Просто песня.

Через неделю он ловит себя на том, что расспрашивает о той гостье у приятеля из дубля. При чем через Ромку. Приятель решается из-за этого позвонить хозяйке той квартиры, Ольге, с которой они уже к тому времени разфрендились, и даже в соцсетях. И после этого те начинают снова общаться.

Но ту девчонку Ольга не знает, ту приводила Лиза из модельного. Примерно неделю ищут разумные поводы позвонить Лизе, с которой хозяйка вечеринки как-то не особо контачит, просто её таскает за собой соседка Алинка.

2 недели и длинная цепочка,

но как звали ту приметную девчонку – вспомнил ещё один парень из дубля. Хотел, кажется, сказать что-то ещё, но отмахнулся.

Так он примерил на неё имя. А большего ему и не требовалось. А главное, интерес, явленный вслух, удалось размыть в пространстве, чтоб никто ничего лишнего не подумал. Хотя теперь полкоманды допытывается у него, нашел ли он (ну они!) ту девчонку. Правда, тоже довольно расплывчато.

А ещё через неделю он снова выхватил её взглядом в стайке девчонок во дворах Панорамы. Мысленно отметил её, как главную героиню в этом короткометражном сюжете, немного даже сбросил скорость!

Вздохнул, отряхнулся, и обреченно унесся по своим делам. Но мысль, что она где-то рядом, и что все-же бывает здесь, почему-то успокаивала его.

Потом была лавочка на сказочной аллее, и овощной магазин. В итоге за 3 месяца он видел её 5 раз.

У него даже мысли не возникало приблизиться, преодолеть эту дистанцию. Все-таки мечта должна оставаться мечтой, нельзя её опошлять. А то получится еще – как с Машей…

Хотя нет. Точно нет. Другая порода.

Он не мусолил всё это в мыслях постоянно, но иногда, раз в пару дней, память закидывала его обратно, в эти моменты, тягучие и мятные. И он снова выходил на улицу, думая: а вдруг сегодня? Хотя и знал, что она, как обычно, застанет его врасплох своим появлением в самый неподходящий момент.

Иногда, совсем некстати, он вдруг произносил про себя её имя. Нет, не звал. Просто надкусывал имя как угощение. Пару вечеров перед сном в сознание стучалась фантазия, что она лежит рядом, когда он засыпает. Просто лежит. Рядом.

Но если б кто-то сказал ему, что завтра он скажет ей «привет», он возразил бы, что это —

лишнее. Если б ему нужна была подружка, он бы встречался с подходящей во всех отношениях Машей. Если б у него было на это время. Просто… ну… слово «карьера» учит некоторой прагматичности. Особенно когда тебе уже за 18.

А она – так вообще… недосягаемая. С ореолом. Напрасная трата энергии. Расточительность. Ведь он точно знает, что она не замечает его. Не сработала ни экипировка, ни рост, ни модная стрижка «торчком». Она смотрит сквозь. Для неё его нет.

Она из другой реальности. И бесполезно бежать за ней. Непреодолимая дистанция.

* * *

Глава 4. Мима не прошло

– Привет.

Он вздрогнул, как будто с ним в приличном обществе случилось что-то непристойное. Он сам не понял,

как это вырвалось? Физиология, епт.

Он огляделся: вдруг никто не заметил?

Катттатрофа.

Её затерявшийся в округе прогулочный взгляд сфокусировался вдруг, как прицел, как красная точка лазера у него между глаз. Нахмурившись, явно поспешно что-то припоминая, и явно – в отношении него, она рассеянно и торопливо кивнула в ответ.

Потом, оказавшись дома, он проигрывал в мыслях этот момент, пытаясь понять: как такое случилось?? Вот он идет через двор, видит её, она идет навстречу. Они пересекались и прежде, плечо в плечо, он мог бы поклясться, что это выходило случайно: просто его маршрут часто пересекался с её-шним. Ну так выходило, ну бывает.

Но здороваться?? Ну что за блажь?!!!

Вот взял и

спалился.

* * *

Днем после занятий она, как часто бывало в последнее время, встретилась с Лизой, и направилась к Алине. Родители той недавно переехали в Панораму, в модный прикольный район, и почти всё время пропадали на работе. Очень кстати.

Она между учебой лениво подрабатывала в модельном, Лиза там старательно училась и мечтала о своем первом заказе. Алина очень хотела попасть туда же. Ну а ей попросту было скучно. И очень не хотелось домой.

На том и сошлись.

Девчонкам почти удавалось скрыть, как они польщены, ей практически удавалось разбудить себя в разговорах шоппинге, косметологии и мальчиках. Она знала, что по другому не бывает, как-то так обычно и дружат, и потому лениво кивала. В общем, всё сошлось.

Время проводили не плохо. Дома у Алинки листали журналы, тестировали косметику и занимались йогой под новенькие триллеры, иногда выходили в красивые Панорамные дворы, чтоб устроить поочередную фотосессию для пополнения портфолио и инста-страничек, или просто за продуктами перекусить. Брали исключительно безглютеиновые, потому что и без того крошечные Лиза и Аля сидели на диетах. А ей так хотелось испечь сырников. Но девчонки не умели включать новенькую Алькину духовку, и на эксперименты столь радикальные – не решились. А праздность её быстро утомляла.

Именно она считалась в этой компании «тепличной девочкой», но почему-то именно её больше всего тянуло на волю. «Наевшиеся» местными красотами и приятной движухой местные девчонки хотели сидеть дома, в комфортной, почти шикарной квартирке у Али: там диваны и подушки, огромный тв с фильмами, журналы. Вайфай. Но она не стеснялась пользоваться своим авторитетом и мягкой напористостью номера1, и потому они стали выбираться в окрестности всё чаще, хотябы под предлогом фотосессий: не только ухоженные дворы – новенький стадион, площадь перед ним, чистые яркие подстриженные газоны с ёлочками, а вскоре и новенький популярный парк – регулярно выманивали девчонок на волю. Они даже грешным делом поговаривали, что надо сходить на футбол! Ну а что такого, все же теперь ходят. Это ж тренд!

Главное разобраться, 1–0 – это когда ты забил, или когда тебе?

В этот раз тоже выбрались пройтись, где-то в четвертом часу. Она подгоняла увлекшихся подружек: в это время включали полив газона, и без того красивые пространства приобретали и вовсе волшебную ауру. Ей хотелось попасть под полив, вымокнуть, догонять радугу, как дурочке, даже если это увидят вокруг. Или хотя бы попытаться всё это снять на камеру. В чужом исполнении.

В общем, выкатились. Потолкались перед зеркалом в лифте, поприкаловались любовной записке на стекле от тайной воздыхательницы, оставленной кому-то живущему в этом подъезде. Вышли на Свет. Вильнули мима белого рояля на мини-аллее, и направились по диагональному тротуарчику к эпицентру местной жизни. Людей было не много: будний день, все на работе. В основном детишки, почему-то все в одинаково одетые в зеленое.

– Привет.

Прилетело вдруг, шлепнулось в неё, как снежок за шиворот. Хотя нет… как будто неосторожно пхнули плечом.

Хотя ощущалось как снежок.

Прицельно в неё. Потому что парень с рюкзаком через плечо, размашисто лавировавший навстречу, кинул это так, как будто они знакомы. Мельком, но знакомы.

Странно. Его б она запомнила. Высокий, стильный, мягко-энергичный. Её обдало прохладной скандинавской сдержанностью, почти вежливостью, с которой она сама так любит держать людей на расстоянии. Никакого заискивания. Вообще ничего особенного, просто мимолетный кивок, на который нельзя не ответить.

Нет, она точно не знает его. Впервые видит. Тогда почему он ведет себя так, как будто они знакомы? Так, как ни в чем не бывало?

Хорошо, что девчонки, которые, как обычно, немного отстали, залипнув в Алином ватсапе, не видели этого. Вопросов бы быыыылоооо.

Впрочем, вопросов – и так хватает.

* * *

Тремя днями позже, увидев друг друга издали, одновременно, они притормозили, наскоро прикидывая, что несостоявшееся знакомство, которое он выявил, теперь нелепо игнорировать. Иными словами: не поздороваться теперь – глупо, как будто кто-то не уверен в себе на столько, чтоб дать «заднюю». А поздороваться – с какой стати? Они же не знакомы! Ну точно ведь не знакомы!

За это время она вспомнила, что, пожалуй, могла видеть его здесь раньше. Может, где-то ещё.

Оба моментом замешкались, дернулись в стороны,

но он был с приятелем, она – с подружками. Оба незаметно цикнули на себя, как взрослые люди, и рассеянно направились навстречу. Небрежно, как будто следовали ранее намеченному маршруту. На критическом расстоянии выдали толику узнавания, и почти синхронно тихонько кинули друг другу по формальному приветствию. Такому, какое можно замаскировать под «показалось» в глупом случае, если не получишь ответа. Однако ответы получили обоюдно, с чувством выполненного долга, не оборачиваясь проследовали каждый своей дорогой.

Она долго ждала вопросов от говорливых и любопытных подруг. Но в этот раз они её переиграли. В молчанку.

– Не знаете, кто это? – сдалась она.

– Футболист. Какой-то. – пожала плечами Аля, констатируя очевидное, – тут же академия, вон. Видела, сколько пацанов зелененьких ходит? – а чего ты с ним здороваешься, если не знаешь его?

– Он здоровается, и я здороваюсь. – снебрежничала она. Типа вежливость – превыше всего. К тому времени она уже вспомнила и ту бестолковую вечеринку на квартире, с которой она еле свинтила. А вдруг их познакомили, а она не помнит!! Ужас, как неудобно.

– Думаешь, футболист? – не унималась она, хотя тему можно было бы уже и сворачивать.

– Точно, из этих! Он же весь в экипировке. Видела?

Она видела.

– Так он, вроде, не из детишек. – зачем-то включила недотепу она. А кто-то купился.

– Но и не из основы – те, что в главной команде, живут и тренируются на другом конце города, – вдруг торкнуло осведомленностью Лизку, которая тоже из местных, – но тут же занимается еще 2 полу-взрослые команды из взрослых учеников. Наверное, кто-то из них. У меня подружка с несколькими ребятами знакома. Тут их много, несколько десятков. Тебе… разузнать про него?

– Ну… давай. – почти не поспешила она.

* * *

За последующие 4 дня они снова встретились дважды. И снова небрежно кивнули друг другу, явно всё ещё размышляя, стоит ли делать это. Так, в порядке эксперимента: это правда было, и снова повторится? Или приснилось?

* * *

– В общем Ольга, хозяйка той квартиры, где ты его видела в первый раз, – отрапортовывала Лизка по телефону днем позже, – ничего про него не знает. Говорит, видела, вроде, высокого блондинчика – с номером 82, кажется, на экипировке. Но не общается сейчас с теми футболистами. А вот Илья, знакомый моей бывшей одноклассницы, сказал, что парень с таким номером играет в молодежке. И зовут его Максим, вроде. Говорит, норм парень. Ну и вообще, все они там норм. Потому что он сам тоже оттуда. Хехе)

– Понятно. – вздохнула она. Ее порядком напрягало это расследование. Как будто она – заинтересованная сторона. Фи… Ну ходит мима. Ну здоровается. Подумаешь, событие.

– Кстати, молодежка играет вечером в субботу. Тут, за академией, рядом.

– Вот как?

– Может, сходим? Но только это не стадион, где все красиво и гламурненько, и можно нафоткаться. Это обычное поле короче, с лавочками.

– Ну… надеюсь, мы не будем там одни. – выдала вслух свое главное опасение она.

– Нееее, там много народу обычно бывает. Пару сотен точно. Затеряться сможем, не волнуйся. Я как-то была с той одноклассницей, что с Ильей. – рада была услужить Лизок.

Она тут же прикинула, чтоб такое одеть, чтоб затеряться. Не бросаться в глаза. Но уж если попасться в поле зрения, то выглядеть на уровне. Выбор пал на черную теплую тунику, короткие подвернутые рваные джинсы, кеды. Ну а что, всё по спортивному. Пора приобщаться к футболу. Модно же.

* * *

На малый стадион девчонки почти не опоздали. Футбол, правда, уже игрался, парни бегали чет, покрикивали. От тв-шного, который ей доводилось видеть эпизодически в процессе перелистывания каналов, живой заметно отличался тем, что: a) картинка не приближала лиц, b) всё виделось с единственного ракурса, а не с разных и с птичьего полета. c) ничего не

трындел какой-то надоедливый голос за кадром, вместо этого очень живенько покрикивали трибуны и сами футболисты. Но без говоруна ваааащщщет было ничего не понятно, кто где. d) всё было так жизненно, что даж затягивало…

…могло бы затягивать во всей своей панорамности,

если б только она не поискала, и почти сразу же не нашла глазами 82 номер. С той же фигурой, с той же прической с выбритыми висками, челкой торчком, и осветленными кончиками. С такого расстояния она не могла разглядеть, но знала точно, что у него карие глаза.

А дальше была игра. Голы!! Настоящие! С изменением на табло и ликованием трибун! Азарт, прокатывающийся волнами по полю, и взбегающий по трибунам. Аура энергии и стремлений, смешивающаяся с запахом свежей травы, и кофе в бумажном стаканчике. Народ сидел и откровенно подмерзал в куртках, она – умело исполняла стиль в гораздо менее теплом облачении, а парни на поле вообще бегали в майках и шортах. Бедняги, ужс.

Все закончилось довольно быстро, хотя длилось бесконечно долго. Наши победили. Как она поняла с высказываний бывалых соседей по креслам – победили «как обычно». Она фотографировала табло со счетом 5–0, и ей не хотелось отсюда уходить. Весь матч она ненароком поглядывала на новоявленного не чужого незнакомца, и ни о чем не хотелось думать. Теперь она знала его имя и фамилию, объявленную в динамики среди прочих главных героев, и от этого было как-то поуютней, чем раньше. У неё появлялся повод полноправно говорить ему «привет». Даже если он звучал почти беззвучно.

Ей даже захотелось попрактиковаться.

Anton Ishutin, Leusin – Stay Out***.mp***3

На этот раз он точно её не заметил. Он был весь там. В своей вселенной, занимался чем-то безумно для него важным. И довольно захватывающим, хотя и не вполне понятным. Он кидался кому-то в ноги, кричал партнерам по команде, жестикулировал. Разнимал дерущихся, подзывал медиков сопернику, бегал к тренеру за наставлениями во время пауз, просил воды, чтоб попить, умыться и поделиться, и тут-же снова нырнуть назад. Кидался ко всем праздновать как очумелый, запрыгивая «королем горы». Жил моментом, купался в энергии и пространстве, в хитросплетении комбинаций игры. И ей не хотелось его отвлекать.

Она просто наблюдала за ним, и её не тревожила даже вполне ожидаемая предательская

польщенность. Тем, что он – #весьтакой, один из главных лиц вот там, на авансцене – сам позвал её (именно ееёёёё!) в свой мир своими приветами, и что у них, между ними, есть эта маленькая тайна, ими самими не разгаданная.

Нет, это горделивое ощущение осталось где-то за оградой её сознания. Вместо этого она растворилась. Ей просто нравилось купаться в его мире. Он оказался таким… Освежающим. А парень, весь перепачканный и взмыленный, со всеми своими странными переживаниями, радостями, возмущениями и стараниями через боль и усталость – таким… Настоящим… что это даже как-то обескураживало. И размывало её привычности.

Вместо привычного стремления завладеть чужим вниманием, и решать, что кому думать, вместо нудноватой жажды взять свое по неписанному, но неоспоримому праву, она вдруг отключилась и затерялась в толпе. Впервые в жизни. Укуталась в толпу как в плед. И её необъяснимо завораживало то, в чем она не принимала участие. Удивительно, потому что обычно её не завораживало даже то, в чем она принимала участие самое непосредственное. Её вообще мало что в последнее время завораживало. Ничего, можно сказать, не завораживало. Кроме полива газонов. Ничего такого…

связанного с людьми. А тут – нелепость такая – беготня и мячик. И вдруг – даже пластиковые сидушки кажутся удобными, и можно напрочь забыть про холод. И про то, как ты выглядишь. Странный обволакивающий покой среди шума и азарта.

Ее распирала странная гордость, когда ему удавалось решить какой-то игровой момент. Она не вздрагивала от каждого эпизода, когда он касался мяча,

но ей хотелось, чтоб это случалось почаще. Хотя она начала понимать, что он где-то рядом со своими собственными воротами, и вступление его в игру – это опасный момент не в пользу его команды. Она болела за него в команде, за которую они втроем пришли поболеть. Она готовила свой следующий привет, или точнее – привественный кивок головы, напитывалась для него энергией тут, на расстоянии.

Максим. У неё никогда раньше не было знакомых с таким именем.

Впрочем, и по прежнему нет. Это может длиться вееечнооо…

* * *

Глава 5. И все-таки

В конце октября к нему приехала мама с тетей, её мужем, дочерью, и парой их знакомых. Вообще они приехали в столицу края по магазинам, в любимые Икеи и Ашаны, но и захватили маму повидаться со своим «академиком». Пришли все вместе к нему на матч, поболеть. Матч в этот раз им поставили утром, и отыграли они его только-что на одном дыхании. После, освободившись, он вызвался провести гостям экскурсию по новенькому парку – признанной всероссийской достопримечательности, которая соседствовала с их малым полем академии, и выгодно оттеняла другую достопримечательность – Его Высочество Стадион. Теперь они стояли в устье парка, на входе за камерами хранения, возле скопления масштабных плоских квадратных деревянных лавочек – «лежаков», замерзшие и впечатленные. Ничего подобного никто доселе не видел: многоуровневость, затейливость, обтекаемые формы, мрамор, бесчисленное количество лампочек, детские площадки, крутые локации. Шик, блеск, красотаааа.

Мама в этой суматохе говорила что-то невпопад, и это выдавало в ней смесь гордости, смущения и переизбытка чуЙств. Бывает, чо, он тоже соскучился.

И тут, посреди этой «ярмарки» людской в нем срабатывает что-то привычное. Как будто кто-то внутри тронул струну, и пошла вибрация. Он знает, что надо вскинуть взгляд, и искать. И тогда он найдет.

Нашел.

Она снова одета не по погоде. И снова круто выглядит. Сумасшедшая, разве можно так ходить в такой ветер? У него, закаленного, под тееееплющей экипировочной курткой пробежал озноб.

Вот она, совсем рядом. Не замечает его, как обычно. Подойдет ближе, вскинет взгляд, и кивнет. Все так. Как обычно.

И тут опять какой-то тумблер в голове заел, какая то кнопочка сценарная запала, оборвался какой-то трос. Какую-то пленку с записью зажевало. Что-то поломалось в его отлаженной голове.

– ФатИиима! – позвал он вслед, разбивая на фрагменты монологи своих гостей.

Да, именно так. С ударением на вторую букву это странное имя приобрело для него магическое звучание. Он готов был защищать правильное звучание этого имени – как рыцарь свою святыню.

Она обернулась. Так, как уверенная девушка, умеющая принимать комплименты. Которых заслужила. Когда волосы ловят ветер, и призывно шлепают по плечам, нашептывая какой-то секрет.

Она обернулась в таком манящем ожидании, нужно было как-то оправдать свой оклик. Перед ней, и своей компанией. И самим собой. Он знал, что что бы он дальше ни сказал, будет только хуже. Любое продолжение только поставит всех в ещё более неловкое положение. Но молчать было тоже невыносимо. И он знал, что не сможет смолчать.

– Ты такая красивая! – выдохнул он вдогонку сквозь расстояние на безмолвный мягкий вопрос, кинутый из полоборота. Не удержал.

Она и правда умеет принимать комплименты. Это была именно такая улыбка. Мягкость, женская магия откуда-то из первобытных времен были ему наградой в этой исчезающей с её поворотом головы улыбке.

Его делегация замерла в недосказанности, во главе с мамой. Девчонки, что были с девушкой – захихикали от смущения и одобрения, народ вокруг реденько заулюлюкал. Он перекрестился в мыслях, что хоть не захлопали. Ну их, и без того не по себе. Хотя она тааак ему ответила. Без единого слова.

Ничего не решилось. Ничего не поменялось. В нем смешивались 2 ощущения, как столкнувшиеся течения – теплое и холодное: одно – фундаментальное, наработанное и накопленное годами, несло в себе мощную уверенность, что это – его место, его время, и он здесь – всё может, и нет ничего сложного или невозможного, и он – свой тут, один из самых…

а другое – жиденько противоречило этой уверенности зябким смущением, как будто он сглупил и поставил себя в тупик. И даже её поощрительная улыбочка не очень утешала. Может, со стороны он и похлопал бы по плечу парня, который вот так, посреди улицы решился сделать комплимент лучшей девчонке… Но изнутри это ощущалось не слишком победоносным. И это никак не стыковалось с его привычным спокойствием. С хваленым спортивным самокортнолем.

Он выдохнул. Снова разрушил хрупкое равновесие, и попробовал отругать себя за это,

но ничего не вышло.

– Кто это? – спросила поменявшаяся в лице мама.

– Одна… знакомая. – ответил он, безотрывно выцеливая, как её компания остановилась неподалеку, чуть не дойдя до касс, – хотя мы, по-странному знакомы. Она, наверное, даже не знает, как меня зовут.

…и не ведая, что творит, бросился вслед, кивнув всем своим рассеянное:

– я счас.

Дальше изумленная мама, на которую в эту самую минуту обрушилось необратимое осознание, что мальчик – вырос, совсем…

…вместе с тревожными предчувствиями…

…наблюдала, как он, поровнявшись с той проплывшей мима компанией, обратился к той девочке. Та заулыбалась ему. Она выглядела неподготовленной к такому сюрпризу, сдержанной, но явно принимала его. Буквально одна фраза, он скинул куртку, и накинул на девочку.

И вернулся к своим – победителем.

Его гости поглядывали на него – кто одобрительно, кто подозрительно, пока он устроил переглядки с компанией на расстоянии десятка метров. Через минуту подал голос его телефон: его позвала команда. Извинившись, он умчался в сторонку на минуточку.

Тут же к маме Ольге Петровне, подошла та самая девочка.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

«…Милашечка…» – констатировала мама.

– Можно попросить Вас передать Максиму куртку?

«…Знает…» – подумала мама. И покровительственное материнское перевесило все тревоги:

– Да Вы дождитесь его! Он вот-вот вернется!

– Нет, мне пора.

«…бегство…» – догадалась мама.

– Но он…

«расстроится» – неслось уже вдогонку девчонке, которая испарилась так же незаметно, как и появилась. Хорошенькая. Не русская, с неким восточный колоритом, и магнетизмом. Сочетание её самоуверенности, никак не зависящей от возраста, и нежности почти детской юности – просто обворожительно. Такая, обволакивающая аура…

Мама не ошиблась. Сын и правда принял куртку из её рук сокрушенно и покинуто. Накинул её на себя с вынужденным видом на пронизывающем ветру, вздохнув и задумчиво осматриваясь взглядом «с двойным «дном», уже не ищущим. Мимолетно нахмурился, рассеянно извлек из своих пустых карманов кусок бумаги, развернул его. Вчитался,

И окружающие всё поняли. Обычно скупой на изъявление чувств мальчик нордического типа, усмехнулся, вознес глаза к небу, и что-то туда отпустил.

Этот номер телефона уже к вечеру он знал наизусть.

Вечером в свой постели он писал ей по ватсапу смайлики, она отвечала тем же.

Он спрашивал какую-то ерунду, и она вновь отвечала.

Он отсылал ей фотку, как комично лежит, укрывшись одеялом, и получал такую же.

Он желал ей спокойной ночи в четвертый раз за полчаса, она отвечала тем же,

и все выходило на новый виток прощания.

Он засыпал с улыбкой, как тот самый отправленный смайлик. И не смел представить её рядом сейчас, как уже привык. Чтоб не осквернить чистый образ.

Макс Барских – Глаза-убийцы

* * *

Утром, едва проснувшись, он первым делом заглянул в телефон – просто чтоб убедиться, что не приснилось.

Не приснилось.

Хотя и приснилось тоже. И даже больше, чем он хотел.

Ещё не выбравшись из постели, он отправил ей приветствие. Заглушил в себе праздное ожидание ответа, вскинул себя, вытряхнул из постели, и запустил вперед. Умылся, закинул в рот вчерашний бутерброд, нашел свою форму на сушилке, накинул куртку и рюкзак. Ромка в соседней комнате только проснулся, но он не стал дожидаться друга – тот привык. Что они не ходят друг за другом гуськом. Не всегда.

Ответ получил часа через полтора, но не переживал в ожидании: он давно знаком со всем этими женскими штучками. И знал, что она выжидает и отмеряет нужное время. И ему было спокойно в этой игре. Его не оставляло предчувствие, что все будет хорошо, затмевавшее все сиюминутные тревоги.

Но даже зная, что свой ответ он получит, он все равно ждал. Без лишних изматывающих ускорений.

Днем где-то в районе обеда он получил согласие встретиться вечером. В том самом кафе. Где вкусные маффины. И непреодолимые дистанции. Были.

Вечером пошел снег. Она снова умудрилась сообщить ему о своем появлении прежде, чем показалась.

Сели в кафе за столик у окна с неиссякающим видом мраморных пространств, поставили перед собой по чашке кофе с чизкейками. И забыли о них тут же.

Проходя мима этого кафе в тот же вечер, Ромка с еще одним другом из команды – младшеньким, что незаметно, Саней видели странную картину: вместо того, чтобы есть ништяки, как нормальные люди, эти двое ощупывали друг другу ладошки. Как собаки, знакомясь, принюхиваются друг к другу, эти положили на столик по руке: она – левую, он – правую, и дотягиваясь пальцами, самыми кончиками, исследовали друг друга – то сжимая, то поглаживая по самому центру ладошки. Приятели переглянулись и пожали плечами, прежде чем унестись по своим делам.

Парням некогда было особо шпионить, но если б они задержались у того окна, заметили бы, что это продолжалось все 2 часа. И никто из двоих за столиком не смог бы сказать, кто начал первый. И никто не забрал своей руки, и не сумел смутиться на столько, чтоб одернуть себя в этой экспансии. Они не приставали и не доставляли друг другу дискомфорта – аккуратно предлагали невинную ласку, как бы невзначай, давая время привыкнуть друг к другу.

Anton Ishutin, Leusin – Stay Out.mp3

ФАти никогда не думала, что вот эта вечная неуемность – срываться и бежать куда-то, чтоб ничего не упустить, может подмениться таким вот моментом безмятежности. Когда тебе интересно и про Битву Престолов, и про вездесущий футбол, и про то, как приготовить курицу

целиком не размораживая. Даже если эксперимент и не удался. У неё впервые не было чувства, что надо спешить, а лицо устало улыбаться. И его рука – крупная кисть – не шершавая, хотя он точно не пользуется кремом. У него строгое лицо, хотя очень добрые глаза золотистого ретривера, какого папа дарил ей в детстве. Слегка обветренные губы, и очень красивая, острая по углам линия подбородка, накидывающая ему визуального возраста. Ровная светлая щетина добавляет его мальчишестости серьезного вида, покрывая геометрически безупречные линии русым туманом. Обветренные губы улыбаются сдержанно, не размыкаясь, и обычно больше улыбаются глаза, но если он действительно рассмеется, вскинув взгляд куда-то в бок и вверх, то улыбка покажется совсем трогательно-детской. Но он никогда не станет улыбаться всеми зубами прицельно глядя прямо в глаза, и никогда не станет подбирать улыбку по случаю, или смеяться по команде. И если у неё завалялся питательный бальзам для губ в сумочке, интересно, он согласится, если она попробует его намазать? Упс, спросила.

Упс, согласился! Хотя его такой вариант веселит не меньше, чем её – привычка размораживать рыбу – феном. Вот странно, почему все так удивляются, что она любит готовить?? Что в этом такого? И почему никто не может принять такой вероятности, будто это очень не подходит её образу. Как будто ей нельзя испачкать руки. Никто не верит!!!

А вот он – предложил проверить.

Упс, он не знал, что она – выиграла в прошлом году общероссийский городской конкурс красоты! И заняла второе на краевом. Правда не знал? Ну да, похоже не знал. Ну надо же, а познакомился. Она привыкла, что обычно знакомятся и дружат с её титулом. Поэтому балахон и кеды – привычная маскировка. Кому надо – и так видели её на шпильках и в бикини – на видео, и на рекламных мегаплакатах в Галерее в магазине белья или брендовых солнечных очков. А кому не надо – тому не надо.

Мило, что он не хочет об этом говорить. Она тоже не хочет.

Нет, правда не знал?? Ага, похоже. Аж встревожился. А когда он тревожится, его серые прямые брови съезжаются и распрямляются. Над глазами ретривера. И лицо становится задумчивым.

В 12 в будний день кафе закрывалось. А им так не хотелось разнимать руки. И свои голоса. Да и пирожные не съедены.

Он хотел посадить её на такси. Но она решила остаться у Алины. Он проводил её до знакомого подъезда. И махнул левой рукой в сторону чуть назад, по диагонали – там, через 2 корпуса – его теперешний дом. А справа вперед – прежний – академия, где он вырос, и жил 5 лет. Да, красивые зеленые корпуса. Он жил в том, третьем. А родительский – таааам. В Новороссийске.

Снег продолжал падать неторопясь, замедляя время. Убаюкивать. Перед подъездом остановились и разулыбались друг другу, по привычке растягивая прощание, как жевательную резинку. Теперь их не разделял столик и чашки. И нельзя было спрятаться за смайликами на безопасное расстояние.

Поцелуй казался неизбежностью. Экспериментом пугающим и привлекающим. Фати готовилась красиво взмахнуть волосами и поиграть с ним в недотрогу, но ее шека попалась в его ладошку, согрелась, и тепло, побежавшее в стороны, растопило её планы И мысли. Она потянулась сама по первому молчаливому зову, когда он подался навстречу. Он пах чем-то пряным и теплым, вибрировал дыханием, и совсем не пугал её. Позже, вечером, ей захочется рисовать эти губы. Посреди снега.

* * *

Попав домой, Максим хотел залезть под душ, потом под одеяло, купаясь и купаясь в атмосфере этого вечера, когда снова носишь ауру присутствия человека с собой.

Но вместо этого он залез в интернет.

И тот послушно выдал ему новости. Да, действительно, ФатИма Мидашева выиграла титул Мисс Краснодар 8 месяцев назад, ещё даже не перешагнув барьер 17-летия. В некоторых светских новостях удивлялись, что самая юная конкурсантка умудрилась так уверенно и неоспоримо обойти гораздо более именитых и опытных соперниц, хотя конкурс происходил на фоне громкого и довольно скандального развода её родителей.

Впрочем, чаще встречались ссылки, в которых подробно рассказывалось о громком разводе хозяина крупной сети автосалонов Закира Мидашева, и его супруги, светской львицы масштабов совсем не местных, бывшей фотомодели из 90-х Дельназ (её чаще называли Дэллой).

Н-дааа. А у него – папа – отставной военный, теперь строитель, и мама – педагог. В средней муниципальной школе.

Так вот, в подробных описаниях отступных по суду, и нового спутника жизни мамочки – престарелого калифорнийского миллиардера, ради которого Дэлла бросила своего доморощенного бизнесмена, и предшествующих всему этому скандальных похождений самого покинутого супруга с девицами легкого поведения, пару лет назад гремевших на необозримые масштабы, замечалось, что в то же самое время единственная дочь гламурной парочки-непарочки выигрывала свой конкурс. Упрямо, и с немыслимым достоинством игнорируя всё происходящее. В интернет-версии заглавными были фото на контрасте: представительная капризная дамочка в черно-белой шляпе, крупный нерусский мужчина, и девочка-фея, сидевшая в полоборота в огромном розовом платье на фоне волн.

Победная фотосессия королевы красоты почти сразу по завершении конкурса. Девочка там была нагламуренна как на обложке журнала… впрочем, почему «как»? Но поза бередила в нем теперь шершавые узнавания. Да, пожалуй, у неё есть такая манерка. Королевы красоты. И он поймался на это безотказно.

И теперь не совсем понимал, что со всем этим делать.

И тут он понял тот хитрый взгляд Рустама, который помогал ему раздобыть имя девчонки с вечеринки на квартире. Видимо, тому было так интересно и прикольно, что получится у знакомого из соседнего клана с вот этой всей офигительной историей и неприступной красоткой, что он даже не стал обламывать приятеля сразу. А может, в благодарность за возвращенную флешку из благородных побуждений, не стал лишать его мечты заранее?

Зато стало сразу понятно, почему к ней на каждом шагу не клеились парни. Не смели?

А ещё стало очевидно, сколько людей наврало, сказав, что не знают, кто она, когда он выяснял. Удивило. Хотя интригу Русика он и оценил: это ж надо было, водить его за нос 2 недели… Даже если это было сделано ради шутки… Прикольно, наверное, звучит со стороны: А Бородин – клеится к Мисс Краснодар, у которой папик…! Интересно, а кто ещё знает? Ромка – точно нет. И его молодежка скорей всего тоже,

или просто не хотели его пацаны обламывать, не верили, что всё-таки это к чему-нибудь приведет. Зато дубль, наверное, ржет всей компанией.

Да ну и пофиг.

Да, кстати, судя по прессссссе, даже довольно «желтой», у Фатимы Мидашевой на фоне её чудо-семейки – безупречная репутация, очень сердито оберегаемая строгим отцом, с которым она теперь живет в элитном поселке за городом.

Она там живет? Серьезно? Разве не у подружки на Панораме, в соседнем доме? Фати не акцентировала на этом внимание, но ей явно сильно не хотелось возвращаться домой. Под любым предлогом. Как и упоминать о своей обычной жизни. Это было заметно.

И пускай она пришла на свидание совсем по простому, почти без макияжа, и вела себя весь вечер очень мило и скромно, но его всей этой информацией, конечно, подсрубило.

Засыпая, он пытался состыковать то волшебство, в которое он окунулся сегодня с девчонкой своей мечты, с этой девочкой-тенью, сказочной героиней…

и то, что стояло за всей этой простотой. И он действительно пока не понимал, что со всем этим делать. Как это склеить.

А Фати прислала ему селфи. Желая спокойной ночи.

Вот так история. Да ужжж, тут уж не до мечтательности. Придется включать голову.

Часть 2. Ии

Глава 6. В игровом тонусе

В топовом дорогом ночном клубе в центре города, у всех на виду, Макс сидел напротив девушки своей мечты, которая улыбалась ему, разливая вокруг себя терпко-пряные волны и утопические отблески, и пытался сложить в голове какую нибудь форму из горки кубиков. Еще час назад он не мог решить, действительно ли эта встреча должна состояться. Или хоть какая нибудь.

Не то чтоб его придавило информацией…

Но слегка дало по голове, конечно. Особенно когда ребята на тренировке начали расспрашивать – ну что у него там с Миссссс.

Оказывается, многие знали. И молчали. Говорят, не хотели влезать. Спасибо, чё. Отсрочили нокаут. Вряд ли Ромка и Саня разболтали всем, начиная с тренера, о наконец-то состоявшемся знакомстве – из стеба, они это точно не со зла. Но от этого не легче. Ребята по-братски подначивали,

а он раздумывал.

Но потом решил, а точнее – вспомнил то, чему научили здесь, неподалеку: что играть надо уметь с любым соперником. Что играешь не с вывеской, не с брендом, и не логотипом, не со статусом, и не с историей. Играешь с людьми. Здесь и сейчас. И только этот час должен решить, кто сильнее, а никакие не предыстории. Остальное – призраки, и они – победимы. И прежде всего – внутри себя. Если твой путь столкнул тебя с таким соперником, значит ты пришел к этому своей турнирной дорогой, и волю жребия тоже надо уважать. Нужно просто собраться, выйти, и биться. Ради публики, пристально следящей, и желающей приобщиться к красоте победы, как и к горечи поражения, и ради себя, потому что нельзя называться спортсменом – за вчерашние заслуги. Просто ради принципа, который заложен в самой жизни: соревновательного. И надо быть готовым не стыдиться проигрыша, если бился честно и изо всех сил. Нет ничего хуже технического поражения, когда даже не попытался, расписавшись в поражении заранее. Испугаться – это не по-спортивному.

И ничего особенного не происходит, просто игровые моменты. Вокруг – тоже просто люди. Ты все знаешь сам, и техника – в тебе, главное – сосредоточиться. Его всю жизнь этому учили: все навыки и мудрости, все знания и умения, всё мастерство – внутри, просто имей смелость и ловкость это достать в нужный момент. И всего-то.

Сейчас, уже из личного опыта, он усвоил простой закон состязания: когда играешь на инстинктах и рефлексах, на кураже – всё помаленьку складывается. И ты способен удивлять мастерством – даже себя самого. Но вот как только начинаешь думать, просчитывать, и пробовать применять готовые приемы сознательно – всё. Начинаешь на ровном месте мазать по мячу. Веселя публику.

Но пока он – всё ещё думал. И пытался включиться в процесс.

Что ж, остается только заранее простить себе все предстоящие промахи, и выйти рубиться просто ради того, чтоб себя зауважать. Включиться в тот формат жизни, где сам отвечаешь за то, что происходит. Просто чтобы ощутить порывы ветра и фортуны, напряжение в мышцах и нервных окончаниях, потоки энергии подбрасывающие вверх вместо тренированных ног, и красоту комбинаций, на которую способен соперник и ты сам. Испытать себя, не жалея, и не сожалея об ошибках. Пора кидаться под чужие шипы, не боясь пораниться. Иначе какой ты нафиг потенциальный победитель? А кому ты нужен с пораженческой психологией, не с нею в спортсмены соваться! Трусить надумал? И какой ты после этого мужик?

Он даже согласился начать поединок с гостевого раунда. Привет гламур – в гламур.

Всё, жребий известен, свисток дан. Go!

– Почему ты опять одета так, как будто в тропиках живешь?

– Готовлюсь к своему светлому звёздному будущему на Мальдивах. Доминикана тоже подойдет…

Ну, а чего он ожидал? Скромности? От неё?

– И это такая закалка наоборот? И как, работает?

– Мотивация. Чтоб не застревать в этих широтах.

– Чем плохо в этих широтах? Если одеваться по погоде?

– Потому что я – прирожденная тропическая островитянка. Ну Бали там, Сейшелы, Мальдивы… Южная Европа в конце концов. Везде нужны красивые журналистки.

Вот зазнайка, а! Пошутила? Или нет?

– Аааа. А я грешным делом про Краснодар подумал. Нееее?

– Нееее… Это так. Временность.

Отлично. Просто блеск. Мечты – уже разные.

Ой, все! Это всего лишь общение с класной девчонкой! Почему ж тогда так не по себе от такой нестыковочки??

– Что, реалистичность и актуальность – не для Мисс? Календарь и глобус – для слабаков?

– Для надоедливых реалистов. Че ты пристал, мой LOOK – мое личное дело.

– А потом жалуется на хронический насморк.

– Мой насморк, и я с ним разберусь. Ты вон опять пиццу домой заказал, хотя вчера жаловался, что желудок после неё бастует. А ещё лечит!

Фигассе, ловит на контратаках!

– Что, за своим здоровьем последить, и себя самого повоспитывать – как сыграть не в свою игру, да? Чё там у вас написано про прессинг на чужой половине поля, а? Это так называется?

Хм. Кто-то изучал соперника…

– …таааак атака, вроде, не твоя позиция. Давай там, об обороне своей не забывай, а со своими воротами я и сама разберусь!

– Обещаещь автогол?

…

Уфф. Отбился. Чуть не пропустил.

Что, ничья, говоришь? Хорошо, до встречи на моем поле. Теперь очередь домашнего раунда.

* * *

Глава 7. А был ли свисток

Отмыкая дверь, Макс тихонько офигевал от собственной наглости. На третий день знакомства он ведет девушку к себе домой. И не какую-нибудь. И она – идет!

Доверяет, получается?

С Машей он в этом смысле месяц возился.

Блин, лучше б вообще тормознул бы вовремя. Куча проблем потом.

И Фати – младше. Гораздо.

И вообще, ему просто хочется с ней поговорить. Оказывается, разговаривать с девушкой гораздо легче, когда она не заглядывает тебе в рот, в ошалелом стремлении угодить. Интересная игра получается. Раскачивает на собственные возможности.

– В общем, как-то так и живем. – он провел её на кухню, щелкнул чайником, вытряхивая из головы посторонние мысли, на которые сам себе не давал права. Секс – нечестная игра. Нефиг выпрашивать пенальти – так и самому красную схлопотать можно. Смазать игру. Нарваться на дисквалификацию… перебрав карточек. В виде обид и санкций. Давай вот без упрощенных путей, да? Фейр-плей короче.

Даже если соперник – такой лихой, и тааак нарушает…

– Тебе не совсем разогревать? Или… Любишь погорячее?

Блин. Макс, ОС-ТА-НО-ВИСЬ.

– Вообще-то согреться хочется.

Максим, она – о чае.

Хотя… Кто её знает. Она – тоже игрок. Ладно, статусы. Но дооценил ли он её опыт? Не о том речь. Скольких она так уделала, в честной игре? Ей нравится дразнить, и она явно владеет тактикой.

– А ты правда живешь на балконе?

– м-м… Печенье?

Играет? Или нет? Блин, ему нужен свисток. Чтоб понять, когда уходить в раздевалку, и соперник вне игры. Ему нужен хотя бы тайм аут.

Не пропустить. Только не пропустить. В свои ворота…

Поздно. Она оттеснила его к его к перекладине, и закатила за линию.

– Ух ты! Тут даже места нормально! И шкаф узкий в углу поместился!

– Ага. Мне хватает.

Хватает. Ему – всего хватает.

– … хотя на самом деле места тык-впритык…

Вокруг. А не там, где места становится всё меньше прям сейчас. Сконцентрируйся.

– Нааааармально! И кровать у окна. – оценила она восторженно.

– Да. Она… узкая.

Ну а как еще? Обороняться, когда приперли?

– Главное – уютно.

Дмитрий Колдун – Давай сыграем в любовь

Пропустил короче. Вынимай, всё.

И вообще, какого черта? Футбол – он везде в его жизни. Везде. Но не в его же спальне! К черту. И это не будет никаким сравниванием счета. Всё.

– Поздновато уже. Ты это… Оставайся, если хочешь. Я ничего лишнего себе не позволю, обещаю!

– Здесь??

Она задержала на нем взгляд – считывающий, как сканер. Хотя нет, у сканера не бывает столько сомнений.

– Эмм…

– Правда, просто поболтаем ещё. Немного. Просто ложиться уже пора, режим у меня. А то схлопочу завтра, нахватаюсь по невнимательности. Я даже знаю, какая майка тебя давно ждала. Вот эта, смотри! С пингвином))

7.1. Тает

Надо же, как уютно бывает. И с пингвином.

Да не с пингвином, а с пингвином! Хлопок просто хороший, наверное.

А кто-то явно не с севера, даже если выглядит как человек нордического типа. Но это только с виду. А не когда лежишь рядом в узкой кровати. Очень даже тепленько/ий.

Он даже майку не снял. В смысле – совсем – не снял, просто сменил на домашнюю. Он по-честному обнял, мягко придвинул к себе, и утонул в подушке и в дреме. А она, плавно погружаясь в негу очертаний, запахов, тепла и вибраций чужого дыхания, не хотела отпускать этот день. Ещё недавно она бы раздумывала в такой момент, засчитан ли гол, и в чью пользу. Но не в этот раз. Она впервые лежала с мальчиком в одной кровати. И тем более с ночевкой. И тем более с самым симпатичным мальчиком из всех, кого она знает или когда-нибудь видела.

Ему нравится бодаться, и это хорошо, потому что ей – тоже. Кажется, ей удаётся быть футбо-теоретиком. Футбол – так футбол) какая разница, во что играть)) Он принимает игру на равных, позволяет ей заигрываться, заигрываясь и сам. Но порой она теряет очертания своей игры. И сейчас, пожалуй, уже слишком поздно на часах, чтоб понять, так ли это плохо..

Интересно, а если положить на него руку – вот сюда, на предплечье, или под… это не будет засчитано нарушением правил?

Глава 8. И дивный образ растворится

В общем, полный абзац. Она уже третью неделю без тени угрызений совести врет отцу, что ночует у Алины.

И ничего не меняется. Даже врать, ёпта, не о чем!

И если в первый раз она не разыгрывала смущенною недотрогу, со свей строгостью относясь к ситуации и его поведению,

…то к исходу третьей недели отсутствие перемен в этом дистиллированном стерильном уюте начало реально напрягать.

– Я не понимаю, мы пара или нет?

Он отрешенно возился в своих скинутых на кровать вещах, собирая сумку. Эти выездные матчи постоянные… Он даже глаз на неё не поднял.

– Пара.

– Ты уверен? Может, ты меня у-сестрил?

– Не бывает такого слова.

Он непрошибаем. Нашел кому уроки филологии давать, студентке журфака! Фи…зкультурник!

– Таких отношений тоже не бывает.

– Что тебя не устраивает?

Вот дурак чтоли?

Что её не устраивает? Да всё не устраивает! Как так можно, ааА?

Он что, её не хочет?

Хочет вроде. Как-бы. Сложно не заметить этого, часто засыпая с человеком в узкой кровати. Когда между ними – только тонкая ткань. Иногда даже сбегает в уборную, хотя почти уже уснул.

Но он по прежнему не снимает майки. Не говоря уже обо всем остальном.

Она честно пыталась. Пробовала нечаянно раздеваться, картинно ронять одежды, выбегать из ванны на телефонный звонок, «забыв», что не одета. Дразнить, приставать. Разыгрывать страсти. Обычно никто не мог устоять, она же знала что делает! Не впервой!

Да и просто… Хотелось как-то развивать отношения… Интеееееерсно же в конце концов! Попробовать… Она сделала, кажется, для этого уже всё, что могла.

И что? Ноль реакции. Непроницаем.

Вот так. У неё есть парень, который иногда говорит, что влюбился с первого взгляда. И даже что она – его идеал. Парень, который всегда рядом. И им никто не мешает, даже родители. А толку??

– Ты стал равнодушный.

– Я нормальный, всегда такой был.

Или не считает достойной? Не достаточно… Какой? Дерзкой? Нежной? Умной?

Что он там себе надумал? Почему молчит? Почему снова не скажет то, что говорил ей вчера, чтоб помириться??

А вдруг уже что-то поменялось??

То, что всё идет не по плану, начало сводить её с ума.

– Ты уверен вообще, что хочешь, чтоб я здесь была? Может, я уйду, а ты даже не заметишь??

– Уверен. Хочу. Оставайся.

А тон-то, тон! Она его что, утомляет???

– Слушай, стать парой было твоей идеей. Или ты просто напоказ всё это делаешь?

– Слушай, что у тебя за мании?

– Ты избегаешь близости со мной!

– Я не избегаю. Я считаю, что не надо торопиться.

– ??!!!?

– Посмотри, мы опять ругаемся. У нас пока ещё слишком неопределенные отношения.

Ну вот, хоть какая то эмоция. Хоть что-то удалось… достать…

– Жаль, что ты так никак не можешь определиться…

– Я определился. Успокойся.

– Не заметно.

– Пойми, слишком легко потерять голову. И наворотить лишнего. Мы и так постоянно на взводе, и причина не в том, что мы обсуждаем все время.

– А в чем же причина??

ну?? Ну же?!!

– Разберемся. Пускай всё идет своим чередом, ладно? И перестань пожалуйста меня заставлять. Я дорожу тобой, и рад, что ты рядом, честно. И хочу тебя, куда без этого. Ты сама все знаешь. Просто не хочу всё испортить.

Ни черта она не знает!!! Запарил.

– Ты уже всё портишь! Своим упрямством.

– Это не упрямство, это благоразумие. Разумное…

– То есть это ты меня сейчас идиоткой обозвал, мне не показалось?

* * *

Он ушел, хлопнув дверью. Ее снова захлестнуло паникой, от которой невозможно унять дрожь. Ее чувство, такое неизведанное, новое, молодое,

разрастающееся, всеобъемлющее,

вырывалось из под контроля, и накатывало волнами. Она всё чаще смотрела на него – спокойного, невозмутимого, и её просто ломать начинало. Выворачивать наизнанку. Казалось, что она – бултыхается в море чувств, не имея опоры под ногами, а он стоит на бережке, и спокойненько наблюдает за нею.

Словно в спокойствии его таится обман. Скрытая угроза. Словно её пытаются надуть. Опять. Как затишье. Перед разводом…

Когда все делают вид, что всё хорошо.

И он отказывается укрепить их отношения. Самым очевидным способом. Чем она больше предлагает, тем больше он отказывается. Наотрез. Разрушая все её надстройки и конструкции, которые должны были быть прочными!

Что он задумал? Что у него на уме? Что он скрывает? Что он за тип вообще???

Она пыталась как могла растормошить его. Встряхнуть как следует, пробудить. Вывести на предел откровенностей. На явные реакции. На эмоции. На чувства.

– Фати, я и так говорю, что люблю тебя.

– Это – просто слова! Я этого практически не чувствую!

– Ты не чувствуешь, а проблема – во мне?

– Нет, это я, значит, ходячая проблема. Так зачем я тебе тогда?

Стычки учащались, становились почти привычными. Она видела его всё менее забавным, и по-королевски сдержанно-небрежным, и всё стабильнее насупленным и замкнутым. Он всё время был чем-то занят, находясь совсем рядом. Чем-то – не ею.

И во всем этот какая то фальшь. Подвох. Все вышло из под контроля, и несется в тартарары.

А она так хотела довериться. В первый раз в жизни. У неё почти получилось.

Она так нуждалась в этом.

Но… мама была права. Никому нельзя доверять. Все врут. Всё недолговечно, особенно хорошее. В людях.

Всё. Это всё! Он успокоится сейчас. И всё. И всё окажется подделкой. Всё то, что казалось таким волшебным! Только б не успокоился, только б не успокоился!!! Как не дать ему успокоиться??

Ей казалось, что что-то ускользает, и она пускалась вдогонку, накрываемая практически некотролируемой паникой. Она все ещё надеется, что всё наладится!

– Фати, прекрати истерить. Я серьезно. Ты мне такой не нравишься.

– Я тебе вообще нравлюсь? Или так, чтоб было?

– Зачем ты так всё усложняешь?

– Я не хочу формальностей, понимаешь? Я ненавижу формальности! Подлога не хочу, понимаешь ты это? Подделок!

– Да у тебя паранойя!

– Ты что, считаешь меня сумасшедшей?

– Что бы я там ни считал, ты это непременно опровергнешь. Хобби у тебя такое. Иначе тебе скучно. И держи себя в руках, а то соседи услышат.

– Ты меня что, истеричкой только что обозвал??

– Нет, обозвала ты себя только что сама. Но да. Ты – истеричка.

* * *

Roby Fayer – Ready To Fight (Ft. Tom Gefen)

Он изо всех сил пытался ей объяснить. Изо дня в день.

– Мне нужны спокойные отношения. Мое счастье – в спокойствии. А тебе кажется, что без драматизма не бывает романтики? Тебе обязательно нужны постоянные подтверждения, и ежеминутные гарантии? И встряски. Поджигая, постоянно, ты не подогреешь – ты всё спалишь до тла! Знаешь, что бывает, если постоянно раскачивать лодку? Она перевернется! Слушай, я спортсмен. Мне боли хватает и в работе. Не добавляй, пожалуйста.

Он этого и боялся. С самого начала. Утратить перфекционичность в ней, даже если это и была красивая иллюзия.

Он так хотел сохранить её призрачным туманом, миражом… Мечтой. Он старался, говорил ей столько о своих чувствах. Но ей было мало. Всегда мало.

– Послушай, ты – мой идеал. Я тебе об этом не раз говорил.

– Ага, когда-то.

– И сейчас тоже. Но ты сама разбиваешь всё, что я полюбил в тебе.

– То есть я опять во всем виновата?

И эти постоянные пикировки – уже не столь нужный ему вызов. Это – агония человеческого единения. Никакого тебе полета и тонизирования способностей – так, барахтанье в словесной грязи. Соревнование, кто кого больше замажет…

– Я устал объяснять. Ты не слышишь. Ты так привыкла быть звездой, что это – твоя наркомания. Ты не чувствуешь, вместо этого ты стараешься знать, и тебе нужно постоянно обновлять это знание.

Он старался понимать. Он думал, что его спортивной терпение – безгранично. Но тут начало срывать даже его.

– Тебе мало того, что я тебе говорю? Тебе всегда мало! Хватит уже от себя фанатеть, ладно? Обрати внимание ещё на кого-нибудь, вокруг тоже люди. Со своими делами, со своими чувствами! Не только ты тут личность, и не только у тебя бывают настроения. Или, может, тебе нужно больше фанатизма? Я – слабенький фанат? Дело в этом качестве? Или в количестве?

Она всё время пыталась управлять. Решать. И устраивать дрессировку. А дрессировки ему и на работе хватает. Только там она – от тренера, и по делу. А тут – сплошные капризы ненасытной избалованной красотки. Слабая передышка её нежностей и опьяняющей игривости, и снова допросы под пытками её недовольного тона.

Кажется, ему не под силу сделать её счастливой. Так, по-простому, как он хотел бы. Как он… думал, что умеет. У неё слишком редко наступают эти ремиссии со счастливыми глазами. Она – агрессор. Она слишком претендует на ведущую роль, сама не зная зачем. И ей всегда будет мало.

У неё сбиты все настройки счастья.

Он чувствовал безысходность. Крушение. Ему хотелось сохранить хоть остатки своего такого особенного, такого неповторимого чувства. Хоть в памяти.

– Может, мы вообще не подходим друг другу?

Слишком часто звучащий в последнее время от неё вопрос.

– Может.

Просто полет волос, и дверь захлопнулась.

Черт. Ну что ж. Всё к тому и шло.

Он опять что-то не то сказал. Или сделал.

Но он перестал понимать – что, когда и как – буде «то».

* * *

Глава 9. Может, и можно

Roby Fayer – Ready To Fight (Ft. Tom Gefen)

Он не позвонил вдогонку. И через час тоже.

И на следующий день.

«Может…». Он всего лишь усомнился. Он же ничего этим не утверждал!

Она всё поняла так, как сама захотела. Как обычно.

Может ли считаться такое не совсем утвердительное, сомневающееся слово – решающим? Может?

Если она может, то и он – может.

А что остается? Любой матч заканчивается. Остается только счет.

Он старался не относиться к обоюдному молчанию – как к соревнованию характеров. Он по-честному готовил к себя к тому, что этот турнир и правда может быть для него окончен в эту минуту. Он сделал всё, что мог. Попробовал свои силы. Приобрел неоценимый опыт…

Да фигня это всё! Всё равно тяжело. Привык он к ней. К голосу, к тому, что вертится всё время где-то рядом.

И вот тут даже осталась после неё непомытая кружка. Везде её отпечатки. А уж запах её волос на подушке… Никак не выходит теперь заставить себя сменить белье.

Все равно не поможет. Как ни старайся себя обмануть, что её – и не было.

Хорошо, все ж таки, что они так и не переспали.

Может, он теперь и не узнает её в этом смысле. Может.

Наверное. Пожалуй.

Скорее всего.

Точно.

А может, надо было, а? Это ни черта бы не решило, конечно, только хуже стало бы. У неё с нервишками.

Да она не особо и хотела. Сама же говорила, что не терпит формальностей, и сама же пыталась исполнить фальшивку: спать, потому что так принято. А не потому, что момент… Да она понятие не имеет, что значит по-настоящему хотеть парня! Одни игры на уме!

Неужели у неё всегда так было?

Неужели у неё всегда так будет??

Он пытался её научить,

но все пошло не совсем так, как должно было. Она реально, не особо-то и хотела, она сама-то это хоть понимает? Так – не хотят своего мужика. Это вообще не то! Просто втемяшила себе идею, и хотела, чтоб все по её команде…

ой, всё.

Та Сторона – Не вздумай

Он думал, что ему станет полегче, когда она прекратит терзать его своими невдовольствами, жестокой иронией и требованиями. Но чтоб приучить себя к мысли, что всё кончено, энергии пока уходило ещё больше. Он скучал по ней. Очень.

Может, и пускай бы себе бунтовала? А? Ну подумаешь, не обращать внимание, и всё. Привыкнуть же можно. Ко всему.

Может, само прошло бы?

Не прошло б. Никак. Он это видел. Знал. Он не знал ни рецепта, ни заговора против её проблем.

Но… Может, он сумел бы приспособиться? Ведь… разве есть кто-то похожий на неё? Может, пускай бы, а? Ну и потерпел бы. Не мужик что ли?

Может. Хотя скорей всего, уже не может.

Можно было бы, конечно, позвонить. Извиниться.

Но что тогда? Чуть-чуть растянуть всё это, и всё? Продлить агонию? Ну если он не понимает, что ей нужно.

И скорей всего, все эти её истерики – это вообще не про него.

Что ж… Иногда поражения надо уметь признавать.

Макс Барских – Отпусти. mp3

* * *

Наташа Королева – Ласточка. mp3

Он не позвонил. Ни сразу, ни на следующий день. Ни потом.

ФатИма места себе не находила. Такой ломки она ещё не знала. Думала, после родителей её уже ничего не затронет, но это опять было…

невыносимо. Никак не выкинуть из головы. Никуда не спрятаться. От этой тучи, следующей за ней по пятам, и поливающей пронизывающей промозглой безнадежностью.

Они совсем расстались? Совсем, да?

Он, вроде, не кричал на неё И не прогонял.

Но и не сделал ничего такого, чтоб остановить. Ничего особенного. Просто отмахнулся. Как от надоевшей мухи!

Нет, ну правда! Кто она, и где он! Не слишком ли он много себе позволил наговорить?!!! Как такое простить?!

Но эти ночные обнимашки – настоящая наркомания. Такое, за что не жалко и гордости.

Хотя жалко.

Интересно, хорошо, что они дальше не зашли?

Или плохо? Или все же хорошо? Как она сейчас чувствовала б себя, случись это.

Он был прав?

Но теперь ничего такого, чего она практически требовала, в голову не приходило. Хотелось просто уткнуться мордочкой в его майку, и раствориться. И ни одной мысли больше, одна светлая осязаемая меланхолия… и вот оно – счастье.

Если б только был хоть один шанс испытать это снова. Если б только…

Да не нужно оно ему, видимо! Иначе хоть попытался бы!

А он не попытался. Совсем не попытался. Это душило разочарованием, крушением и спазмами в горле, выдавливающими влагу на щеки.

Интересно, чего он там? Он так переживал за этот матч. Там должен был быть его первый тренер.

Её одолевало бессилие. Она четвертый день не появлялась в институте. Хотелось просто отключиться.

Хотелось просто всё время представлять, что ничего не закончилось, спрятавшись от реальности. И возвращать его себе своим сорвавшимся с предохранителей воображением.

Интересно, что он там делает сейчас?

Без неё…

Khalid – Young, Dumb & Broke (Remix) (Feat. Rae Sremmurd & Lil Yachty). mp3

Глава 10. Может, можно

Дверной звонок оторвал Макса от стола, где он апатично пытался достать ложкой с донышка консервной банки остатки кукурузы. Ромка посреди зала всем своим видом показал, что его игра, запущенная на плейстейшне – не подождет, и пришлось идти открывать самому. Хозяйка квартиры, наверное. Приходит иногда под всякими предлогами, чтоб порядок посмотреть. Многие квартиры, в которых размещены ребята, принадлежат клубу, но не эта. Увы.

Он распахнул дверь, и глаза распахнулись сами. На пороге стояла замерзшая Фати, и смотрела прямо в его голую грудь. Потом подняла взгляд бездомного щенка.

– Можно?

– Можно. – неловко отступил он, пропуская.

Если б ему рассказали о таком случае, он точно по-братски поздравил бы парня. С победой. Безоговорочной. Но сам он такого не ощущал. Вообще ничего не ощущал, кроме смятения, которое как дамба, удерживало поток сокрушительного, сметающего с ног, разрывающего на части

облегчения.

Ромка обернулся, исполнил комичное лицо, и тут же исчез за дверью своей комнаты.

Макс мимоходом нырнул в ванну, чтоб накинуть майку. Как защиту.

– Чаю?

– Да.

– Там дождь, да?

– Ага. И холодно.

– Замерзла?

– Нет. Немного.

Фиг с ней, её дело. Её не переделаешь, не перевоспитаешь. Нравится мерзнуть – пожалуйста. Он промолчит. Сегодня. Только б не заводилась. И не убегала.

– Ты на такси хоть? Как там Алинка? Ты от неё же, да? – выкинул он ей спасательный круг, хотя почему-то был уверен… что просто помогает ей. Избежать неловкости.

– А? Да. Ну как-бы. – Даже не потрудилась схватиться за подсказку она.

– Может, есть хочешь. Ромка тут сварил какой то суп.

– Давай. А хлеб есть?

– Счас.

Он отвернулся к кастрюле, орудуя лучшим приспособлением, что знал на кухне: половником. В этот момент, смотря почти в спину, она

захлебнулась. Новое пространство затопило её, до самых дальних уголков нутра. Просочилось в самые узкие протоки. Очерчивая и ощупывая взглядом его очертания, она молча призналась себе. Что да.

Люблю. Вот именно так это и выглядит. И с этим моментом, когда он – рядом, и обращается к тебе, ничего не может сравниться. И мир претерпевает какие-то невиданные метаморфозы, отзываясь внутри и снаружи на каждое его движение, удивляя своими красками. И каждая мелочь в этот момент – глобальна и грандиозна, и отсылает сигналы куда-то в космос, записываясь там во вселенские архивы, как нечто поистине значительное. Не может такое стать уделом лишь только её памяти! Такое – большоооое…

И это происходит не вчера и не завтра – сейчас. В моменте. И просто удивляешься, как может так ровно звучать собственный голос, когда вся сама звучишь натянутыми струнками.

– Так пойдет?

– Отлично.

Он уселся напротив. И оторвал зубами от большого ломтя батона. Она наблюдала, упиваясь его безалаберностью. Уютный такой.

– Макс.

– М?

– А мы ещё – вместе?

Он замер, перестав жевать. Бросив в неё какое-то мимолетное безмолвное подозрительное «неужто», словно его поразил не смысл её вопроса, а его форма. И тут же снова спрятал мысли.

Неужто, а? Спрашивает – не утверждает! Какое-то слово и за ним, да?

– Да. Если хочешь, то да. – вернул право решения ей он. Точнее, разделил.

И снова эта его манера. Ошеломляющая простота. И серьезность. В любом другом исполнении это выглядело бы занудством, но только не с его неотразимой естественностью.

Фати присмотрелась к нему в его ответе, и почувствовала, что согрелась. И её перестало колотить от озноба.

Ну вот такой он. Разговаривает в полоборота, всегда чем-то занят. Невозмутимый как северный мишка. И всё у него – своим чередом. Его вообще довольно сложно вывести из равновесия, и как ей это удавалось?? Мальчик «ой, фффсе». Монолит, сквозь который не просочиться.

Зато рядом.

Может, пора и к такому привыкать? К тотальной простоте?

– А можно я останусь сегодня?

– Оставайся.

Вот так у него всё по-свойски. Незамысловато. Как ни в чем не бывало.

Есть, чему поучиться.

Через час она улеглась и уткнулась носом в плечо знакомой майки. И чего ей взбрендилось что-то там развивать? Так тоже не плохо. В общем. А можно сейчас – ничего, вот совсем ничего

не менять

?

…и обидная прежде мысль заставила её сейчас улыбнуться, согреваясь в теплых объятиях: «сама пришла мириться – Смирись!».

* * *

Глава 11. Потому что…

Через неделю она твердо понимала: что бы кто из них друг другу ни говорил,

убегать – бесполезно. Следом никто не побежит. Это надо признать.

Что остается?

Примерно это они и делали. Старались по крайней мере. Она старалась выражать свои сомнения – поспокойнее, то есть «просто разговаривать», а он старался ещё больше пропускать мима ушей. Вряд ли это сильно помогало в противоречиях, но страсти понемногу остужало.

Фати пробовала смириться, что её парень – такой бесчувственный тип. Максим – просто хотел, чтоб она больше не исчезала. По крайней мере – пока. Потому что легче всё равно не станет. Он просто старался культивировать в себе невозмутимость – как знак мужественности. И старался обозначать границы максимально спокойно. Она явно часто вспыхивала, но так же явно изо всех сил старалась само-остужаться. А это – уже прогресс.

Но на исходе второй недели все же накипело:

– Максим, хочу поговорить.

– Говори. – незаметно напрягся он.

Надо разговаривать. Это – самое правильное! Чтоб разобраться. – сказала она себе.

– Макс, скажи, что нам мешает быть вместе? Спрашиваю только потому, что дорожу нашими отношениями.

«ну да, ну да… В этом она вся. Нужно спросить «почему мы не можем быть вместе», и услышать доказательства тому, чтоб все наладилось. Логика!» – мысленно покачал головой он.

– По двум причинам.

В её взгляде полыхнул пожар неприятной неожиданности.

И обжег его.

Он уже настроился на разрывную тираду. Но она выжидательно и упрямо молчала, вопросительно и почти вызывающе в первый момент, а потом – просто стараясь не проиграть.

– Ок, первая – это то, что мы очень разные, да? По темпераменту. – деловито начала она, унимая панику. – Ты – невозмутимый, Я – кипишнАя.

А когда пришла мириться – он, было поверил, что всё может поменяться!

– Мы разные, но нет, не поэтому. Вот же, вот же оно, просто обрати внимание. Что ты сейчас делаешь.

– Что я делаю?

Ты задаешь мне вопрос, и сама же на него отвечаешь.

– Я не… Я же просто предположила!

– Ты ответила за меня. И не кричи. У тебя всегда на всё есть своииии ответы. И свои готовые рецепты. Ты всё время пытаешься быть «сверху». А я устроен так, что ты… Ты пытаешься занять в отношениях моё место, понимаешь? Меня это ломает. Это я – выше тебя на полголовы. И сильнее. И старше. Это у меня яйца. Я мужик. А ты всё время разворачиваешь куда-то не туда. Всё всегда переиграть по своему пытаешься, как будто это твой смысл жизни. Не радоваться, а побеждать! Что с тобой творится, вообще понять не могу, но за себя могу сказать точно. Такое – не по мне.

Она прикусила губу, и уставилась на него неотвратимым выжигающим взглядом.

– Ок, а вторая?

– То, что… Я тебя люблю, но тебе этого мало.

– ?!!

– Я не знаю, что тебе ещё предложить. Вместо того, чтоб принять всё, что я пытаюсь тебе подарить, всё что могу… ты норовишь что-то всё время от меня оторвать. Ты как вампир,

питаешься чужими эмоциями. Присосешься, и тянешь, тянешь… И сейчас тоже. Я не знаю, как долго я так ещё протяну так, честно.

Он и правда выглядел уставшим. Но она боялась отпускать его, терять эту ниточку, которая протянулась между ними через диалог. Как будто если он сейчас «уснет», то больше не проснется.

– Тогда почему ты всё ещё со мной? – задала она вопрос почти интуитивно.

Он вздохнул, и мыслях пронеслись эпизоды. Манящие, и обманчиво обещающие мечту.

– Потому, что иногда, хоть и редко, ты бываешь такой, какой я хочу тебя. Себе.

– Какой??

– Счастливой.

Фати аж растерялась. Слово то какое. Всегда ставит в тупик. Своей неопределенностью… И как у неё такое получалось? И когда?

«как это?» – почти спросила она, но почему-то осеклась.

– А… – не унималась она…

– Все.

– Подожди!

Ну конееечно! Она ещё не закончила! Она – никккогда не закончит!

– Все, Фати. Всё. Я сказал всё, что мог.

Он почти никогда не повышал голоса, не говорил грубо, или угрожающе. Всего лишь утвердительно, а не вопросительно. Такой тон в исполнении любого другого человека показался бы ей комфортным в своей беспечности. Но не тут.

Его решительность просто убивала её. Она считала эту неуступчивость – самой тяжелой его чертой, которую, возможно, удастся когда-нибудь переломить.

Или не удастся. Несмотря на всю почти сверхъестественную привязанность к этому человеку, она действительно задавала себе вопрос: а она-то сама? Она – долго сможет мириться с вот этой его… решительностью? Или его решительность – победит?… её привязанность…

Просто все парни, и даже взрослые мужчины, которые ухлестывали за ней – в ногах расстилались. А этот… козлина… Как танк, прет всегда только по своей колее. И последнее слово всегда должно быть за ним. И первое. И промежуточное. Ну это же невозможно!

Он думает, что ему с ней тяжело, да? А каково ей с ним?! Он же всегда пытается командовать! Ну постоянно! Ему всегда нужно все непременно зарешать, даже по мелочи, просто потому что… по умолчанию! Почему, собственно, он всегда должен быть прав, а? Это что за дискриминация?? А она – что, не личность что ли? Или глупая какая-то?! Почему он ведет себя с ней как с маленькой, он всего-то на год её старше! Невозможный тип. Бесит просто! Реально бесит! Аж по голове дать хочется! Испортить прическу! Или хотя бы высказать…

Но в тот момент, когда он прерывал разговор, она чувствовала себя обесточенной. И боялась представить, что случится, если этот разговор прервется навсегда… а она уже испытывала такое однажды. А потому в последнее время всё чаще материла его в спину – молча. И посылала в него мысленные раскаленные стрелы.

– Я спать. Идешь?

– Да. Сейчас.

– Я ложусь прям сейчас, через 2 минуты. Только постельное перестелю. Если потом разбудишь, ругаться буду.

Он всегда только обещает.

– Ты что, стелешь то белье с детскими машинками? Постели то, что я привезла!

– Это – чистое.

– То – тоже!

– Я это уже стелю.

Блин, откуда столько упрямства?!

– А то – что, трудно взять?

– Спим сегодня в этом.

Как отрезал. Отсутствие раздражения даже как-то сбивало её с толку, потому что свернуть его с намеченного пути – не реально, при чем упорство – без всяких видимых причин. И всё это – на фоне чемпионского, почти иррационального спокойствия. К этому невозможно привыкнуть. Ощущение, как будто она очутилась в дурдоме, и с ней разговаривает санитар.

– Тебе мое не нравится? – сдалась она, слетев с решительного тона.

– Нормальное. В следующий раз, хорошо?

Не хорошо. Но здесь не ждут другого ответа.

Она продолжала сидеть на месте с пустым стаканом, подогнув одну ногу, и отсчитывать секунды.

– Все, я лег.

– Я сейчас.

– Спокойной ночи, Фати.

Она отсчитала еще 20, 26, 32. Щелкнула свет на кухне. Через неимоверное, почти физическое сопротивление пришла в потушенную спальню. Увидит же сейчас, что она – проиграла. А он – победил. Скотина.

Но темнота потихоньку расщепляла кухонный шлейф. Фати скинула олимпийку, легонько забралась к нему под одеяло. Почувствовала, как он аккуратно окутывает своими руками и телом. Вминает в себя так мягко, уютно, как будто её тело – тесто, которое разложили в формочки.

Госссподи, как же хорошо, когда он молчит.

Как же хорошо молчать.

Она знала, что завтра всё повторится.

И она не ошиблась.

Но зато сегодня ещё не закончилось, и его не хотелось отпускать.

Глава 12. Мало мужиком родиться

Ольга Петровна только приготовила ужин, и собралась накрывать на стол, когда позвонил сын. Максим звонил ей часто, но обычно отделывался парой общих фраз. Которые её никогда не настораживали. Он у неё вообще – такой. Легкий. Простой. Не замороченный.

…но только не сегодня. Голос какой-то… не такой…

– Что-то случилось, Максик?

– Та ничего особенного. Подустал.

Сын никогда не жаловался на работу. Он в футболе 9 лет, полжизни, и весь целиком – там. Дождь, снег, нагрузки, груз ответственности и высоких ожиданий, всё это приводило её в ужас… а его – в восторг. Ну или просто в тонус. Обычно сочувственная фраза «устал, набегался?» – всерьез ставила его в тупик.

– Просто устал? – не поверила она.

– Ну и так, знаешь, все по-мелочи. Погода как-то гадость. С Фати поссорились. Опять.

Ааа, вот оно что.

– Сильно?

– Нормально. Как обычно. Она знаешь… Ну такая. Сложно с ней. Бывает.

Денис Реконвальд**– *Гроза***. mp3

– Сынок.

Ольга Петровна сделала вздох поглубже. Она становилась на скользкую дорожку. Но кто, если не мать. Вразумит и защитит.

– Макисм, я все понимаю, нравится она тебе. Отношения. Всё это хорошо. Но… Доколе она тебя будет мучить? Принцеска.

– Мам! Сами разберемся! Тебе хоть не говори ничего!

Неправильный подход. Понятно.

– А чего не поделили-то?

– Та она… Командует не по делу. Упертая она. Неуступчивая.

– Ну и… не обращай внимания.

– На это невозможно не обращать внимания, мам. Мы из-за этого один раз уже расстались. – обрушился на неё спокойный сын.

– Ну помирились же. – пошла на попятную она, нащупывая опору в новой реальности.

– На долго ли?

– Ну это… тебе решать. Смотря чего сам хочешь.

– Я хочу… Её. Но другой. И уже не уверен, что у меня что-то получится.

– Так это она командует? Или ты сам?

– Мам, мне и положено. Я ж мужик.

– Вот ты тоже загоняешься. – и где это только педагог такого нахваталась?

– Мааам! – сын редко выдавал эмоции, но это был как раз тот редкий случай: – Ты видела Фати?! Ты же её видела! Ну и как она тебе? Что скажешь про неё? Я тебе скажу! Такая женщина не будет любить размазню и слюнтяя. В том-то и дело. Такой – нужен супергерой. Викинг. Тарзан, епта. Кто-то стоющий. Кто из камней воду выжимает. Ей только кажется, что ей нужен послушный удобный подкаблучник, какими она пытается сделать всех вокруг – это какие-то страхи.

– Ну если ты это понимаешь – ну прости её тогда. Привыкни, что для неё – это нормально. Знаешь, когда любишь – многое прощаешь.

– Я и так прощаю. Если б ты знала, сколько. И дело тут не в гордости. Просто если показать это – может прокатить за слабость. Слабину с такой – давать нельзя. В том-то и дело, она должна четко понимать, что «Всё!» – простить я не готов. Так же, как и я должен знать, на

что готова или не готова она. Мы должны знать пределы друг друга. Думаю, вот сейчас как-раз и выясняем. Так что тут не спрячешься в уступки. Тут – хоть землю грызть, но только не сдаваться. Иначе она прожует, выплюнет, и пойдет дальше. Девчонки с такими биографиями как у нее – паучихи. Если вовремя не… расколдовать. Короче, нужно, чтоб она меня приняла. Главным. Если у меня получится то, что я задумал, то у нас сложится идеальная семья. Потому что в ней угадывается всё, что мне нужно. Если нет… Что ж, тогда она меня хоть запомнит. Навсегда.

Мать слушала с тревогой и недоумением: неужто в 18 лет можно до такого дорасти? Так это звучало… эпично. По-взрослому. А не слишком ли это серьезный вызов в такие лета??

Ольга знала сына: он не склонен к истерикам, так что такой монолог в его исполнении – просто верх экспрессии.

Но похоже, он понимает, о чем говорит. И даже до неё сумел донести.

– Ты как будто лошадку объезжаешь.

Породистую, да с титулами!

– Примерно так. Либо скинет, и умчится, либо… станет одомашненной. Но сейчас, конечно, подкидывает – что надо. – покачал головой он на том конце связи.

– Смотри, чтоб кости тебе не переломала, норовистая такая.

– Я крепкий, мам. И знаю тут цену победы, как и поражения. И стремена уже накинул.

Глава 13. По делу

Чуть позже Фати пришла к своему непроницаемому сказочному принцу. Сегодня она так скучала по нему, что даже от скуки заглядывала на учебу. Ну как заглядывала… Была на всех лекциях, кроме первой! Ну просто, скоротать время до вечера, когда он вернется с тренировок. Она даже сказала ему об этом, в тайной надежде на одобрение. Он же сам – фанатик своего занятия. Он должен оценить.

Он глянул на неё, улыбнулся и кивнул. Немного даже удивился. Какие-никакие эмоции.

Ей так понравилось это скупое одобрение по этому пводу, показалось таким искренним, что на счет планов на завтра не осталось больше сомнений. Будучи уже на 2 м курсе, она наконец-то нашла, чем себя занять днем!

Он опрокинул её рядом на диван перед тв в общей комнате, закинул ей на шею свою медвежью лапу, и клацал по каналам в поисках фильма повеселее, не переставая говорить про свою работу. Про то, как всё было сегодня, и позавчера, и как могло бы быть, и как стоило бы сделать… Он проживал и смаковал каждый эпизод, А Фати прижималась к его груди, устраивая голову на плече, и упоенно слушала. Каким-то шестым чувством она давно уловила, что ревновать его к футболу, или как-то противопоставлять себя этой части его жизни и его натуры – это просто похоронить его доверие – сродни предательству его ценностей. Теперь её занимало другое: она пыталась постичь, как можно так самозабвенно посвящать себя делу, как будто это – не обязанность, а часть его самого. Главная! Она пыталась сравнить его футбол со своей учебой, или модельным бизнесом,

и понимала – ничего подобного она никогда не испытывала. Ей стало любопытно.

Засыпая, она ещё не знала, что завтра попробует найти свой «футбол». И что эта попытка будет уже не просто попыткой скоротать время. Это будет попытка понять его в его самозабвенной увлеченности через понятные и знакомые себе категории, и самой уподобиться тому, с кем она теперь рядом.

Нет, никакого подражания другу-авторитету. Просто любопытство. Просто шаг за тем, кому доступно чуть больше.

Жаль только, что именно это – стало поводом для очередной ссоры очередным вечером. Просто он недооценил её новых успехов и стараний на новом поприще – учебном.

Или она – просто недополучила свою порцию одобрения. Свою дозу…

Просто он слишком быстро привык к новой части её жизни, которая пока приятно шокировала её саму. И стал воспринимать это как само собой разумеющееся. Просто он слишком сосредоточен на себе, своем деле, и привык вести себя как истукан, которого ничем не удивить. У него – всё «как обычно». Даже она со всеми своими феноменальными событиями.

На столько феноменальными, что она на пары начала ходить в институт!

Глава 14. Разжать Пальчики

Фати не раздумывая зашла в незапертую калитку, хоть и не терпела частных секторов, пересекла двор, поднялась на крылечко, постучала и не дожидаясь приглашения, вошла в дом. Ксю говорила, что сегодня дома семейое торжество, и двери для гостей будут открыты.

Формально она пришла к подружке. Ксюша часто кидалась умными фразами, потому что у неё мама была – психолог. Вовремя вброшенная фраза из маминого арсенала делала Ксюшу чертовски умной в глазах сверстников. Даже Фати иногда была благосклонна к ней. А благосклонность делала Фати довольно приветливой. Эпизодами.

Кстати, Ксения стала подружкой Фати после того, как её мама перестала быть её психологом. Когда родители объявили о разводе, а Фатима стала устраивать показательные представления с вызовом полиции, оговорами родителей и друзей, угрозами причинить себе вред, попытками подать на родителей в суд, в комитет по опеке, не нашедший подтверждений обвинениям, обязал попавшуюся на лжи девочку-подростка пройти курс психологической реабилитации.

У Людмилы Борисовны не было выбора, когда её по долгу службы принудительно прикрепляли к избалованной истеричной богатенькой наследнице, которая чудила и не собиралась сама включаться в работу. В задачу специалисту ставили, прежде всего, окончательно опровергнуть уголовные обвинения несовершеннолетней в адрес родителей, и «привести девушку в чувства», чтоб она перестала отравлять жизнь близким. Запрос был от них, близких, семьи, и от служб надзора – не от неё самой. Опытный психотерапевт с обширной частной практикой занялась поручением нехотя: «нИхАчуКи» – не её профиль. Она с первого взгляда опровергла инцест и любые домогательства, установив острый дефицит внимания, и некоторые пограничные состояния.

Девочке можно было помочь,

но та оказалась на столько сырой для работы, что попытки были беспочвенны. Её удалось лишь успокоить и частично переориентировать – переключить внимание. С фокусировки на манипулировании ближними.

Так появился конкурс красоты. После этого предписанный обязательный срок реабилитации закончился, и девочка пропала. У Фатимы Мидашевой обозначилась своя терапия: вместо исповедей в скучном кабинете она предпочитала лучезарно вышагивать по подиуму и гипнотически строить глазки в камеру. Пожалуй, это было самым необычным проявлением истерики в практике Людмилы – на столько пленительно просачивалась рвущаяся наружу кричащая эмоция, на столько эффектной и неотразимой оказалась эта сублимиация. Невозможно оторвать взгляд.

Людмила Борисовна видела в таком экстравагантном варианте отвлечься – временный «протез» для её проблем, но больше ничего поделать не смогла. Все-таки бесполезно пытаться помочь людям, которые для этого не дозрели сами.

Зато яростно отрицавшая любые попытки «влезть в её голову», а в действительности – не способная на спокойный доверительный диалог, девочка случайно задружила с её дочерью Ксенией – своей сверстницей. Сначала Людмила Борисовна была явно встревожена таким повтором, но предотвратить это сближение оказалось невозможно – ни запретами, ни убеждениями: своенравная Фатима, умело подкупала внимание любой девочки своей размашистой и безграничной модельной карьерой, и привыкла брать всё, что ей нужно… И кого. А потому Людмила Борисовна решила лучше приглядывать за этой дружбой, и вскоре обратила внимание: избалованная звезда, всегда казавшаяся ей крайне поверхностной в любом общении (и с её дочерью – тоже!), порой очень старалась попасть в гости, и понаблюдать за чужими родителями. Побыть в семье.

Потом исчезала на долго.

Но вот сегодня та же девочка, которая сидела непроницаемой иконой перед нею год назад, с искоркой в глазах сама вытащила её с её собственной гостиной, наполненной её собственными же гостями.

Хотя чему она удивляется, само такое – не рассасывается. Но и терапия – даром не проходит. Даже неудачная.

– Теть Люд! Здравствуйте! Можно Вас? На минуточку.

Вообще-то – уже нельзя. Когда Фатиму приводили к ней за руку в кабинет, она была пациенткой. Но теперь она вошла в этот дом подругой дочери, которую тут уже не раз кормили плюшками за чаем. И больше не обращается по имени-отчеству. А это значит…

– Что-то случилось, ФатИш?

С буйными – только так. Четко выверенная отстраненная учтивость.

– Да. Мне срочно нужен Ваш совет.

– я не…

– Я не на долго.

Ну конечно, бесполезно. Кого она пыталась прервать? Её ж – не переговорить.

– Буквально пару слов, пожалуйста. Мне в прошлый раз помогло всё, что вы говорили, честное слово, просто я не сразу заметила. Но сейчас мне ещё больше надо.

Ну если уже самой надо… Впрочем, поезд ушел, двойные связи…

– Не совсем удобно, но *кому какое дело…* …что случилось?

– Понимаете, у меня… проблема в отношениях.

– С родителями?

– Нет У меня теперь парень есть. – торжественно объявила звезда, словно пытаясь кого-то поразить.

– И что?

Непрофессионально? Зато честно! У каждого – своя жизнь! Раньше помогала, да, но это было раньше! И по делу, по работе! Теперь же это всё – против всяких правил! И компетенция! Она давно потеряна! И что?? И вот…

– И меня это сводит с ума!! У нас всё не ладится, и по-моему я сама все порчу. Потому что мои чувства…

– …все время держат тебя в напряжении?

– ИменНно! Как Вы отгадываете всегда?!

Вообще-то это была не интуиция. А клиническая картина. Ну да ладно.

– Он хороший, понимаете? Исключительный! И я очень боюсь его потерять!

– Так не теряй!

Вообще-то у хозяйки тут гости. Но кого это волнует?

– Не могу. Все говорят, что я истеричка.

… Заключение резковатое, но по сути… психика действительно … реактивная…

Ок, аменез:

– Понимаете, мне либо совсем всё равно на людей, что чаще всего… ибо если нет… в меня будто черти вселяются! Я пытаюсь удержать всё хорошее, а оно словно утекает сквозь!!! Мне кажется, я не смогу ничего удержать, понимаете?? Я паникую, и начинаем ругаться! Я честно пытаюсь держаться! Но ничего не выходит, и всё идет не так! Я – реагирую! Все сжимается внутри в пружину, и понеслось!

Ну ещё бы. Как не отталкивать близость при такой психотравме из семьи! Людмила знала со слов дочери, что Фати теперь встречается со спортсменом. Но в отличие от гулены-отца – в недавнем прошлом знойного красавца-южанина, это был спокойный сосредоточенный «нордический» парень, серьезный и преданный, с которым Фати даже учиться начала, и вообще якобы сильно поменялась.

Впрочем – не якобы.

А эта полярная непохожесть двух ключевых фигур – это конфликт её мировоззрения. Даже не понятно, как так получилось?! Обычно программы таких – отбрасывают. И велика вероятность, что хороший мальчик будет вскоре променян на какого-нибудь бабника по типу папы. А пока её случайная влюбленность в хорошего парня никак не укладывается в её каноны. Сотрясая её мир тектоническими разломами. И такая коррекция – дело точно не 5-ти минут на бегу на кухне.

– Помогите! Пожалуйста! Вы ж – волшебница!

Ну зато она пришла сама. Интересно. На сколько хорош должен быть этот парень, чтоб она так вылетела из сценария?..

– …Ну Вы же можете!

«…пытаюсь держаться. Удержать…» – пронеслось в голове врача… А взгляд упал к кончикам распущенных темных безупречных волос. Психофизика…

– Могу дать один совет. Когда сжимается всё внутри, – она получила согласный и просящий кивок, исполненный преданной готовности, – и вот-вот сдетанирует, и аж сводит скулы что-то сказать… – выжидательный кивок, – и чувствуешь, что всё, понеслось… и сейчас поломается, – кивок, – и держишься изо всех сил… – просто разожми ладони.

Девушка замерла с почти комичным непониманием. Потом украдкой глянула на свои сжатые в неестественном напряжении пальцы… Снова кивнула. И долго пила потом чай на кухне молча. Одна. Притихшая. И такая простая для королевы красоты, будущей телеведущей, богатой наследницы и возлюбленной-мечты пары-тройки бооольших бизнесменов.

А праздновавшей 50-летний юбилей Людмиле очень хотелось теперь познакомиться со спортсменом.

* * *

Вечером Фати пришлось испробовать новую тактику, подсказанную её психологиней. Она честно обещала себе, что уж сегодня она спокойна, и ничего такого не пригодится… Но всё развернулось знакомой историей.

Нет, понятно, что он говорит всё как надо. И делает. Он её не обижает… по крайней мере намеренно. Но он… он не старается!!!

Не так как она!

Он иногда выпускает её из объятий, и начинает заниматься своими делами. Вполне благополучно! Отвлекается, болтает по телефону, или с соседом. Или даже с мамой. Он ведет себя так просто, как будто ему всё равно, что она – тут! А если ему и впрямь всё равно??

Будто для него она – никакое не событие!

Иногда он ведет себя так, как будто она – невидимка. И тогда к ней приходит этот вопрос: «а существую ли я? Для него?» Или ему нужно от неё отдыхать? А что это может значить???

Мысли, мысли, мысли…

Непостижимо. Непостижимо смотреть на него, такого спокойного, погруженного в свою и без того вполне нормальную жизнь, барахтаясь в собственных чувствах в одиночку. Снова, как в первый раз.

И вот как только она была на грани того, чтоб востребовать от него хоть какую-то отдачу, чтоб молить о помощи, чтоб хвататься за него, утопая… желая, чтоб он тоже НЕ МОГ без неё,

…она попробовала.

Какой же немыслимой сложностью оказалось попробовать руководить собственными мышцами. Просто расслабиться – потребовало поразительных усилий!

Пальцы с парой блестящих стильных колец – как будто деревенели. Или где-то там пережимало нервные окончания. Казалось, напряжение отдавало аж в плечи, и в шею. Она даже

боялась, как бы её не заклинило в неестественной позе, если всё-таки удастся растопырить эти чёртовы пальцы… Она в жизни не думала, что собственные руки могут быть такими непослушными, закостенелыми. И пока она пыталась совладать с собственными ближайшими конечностями, она успевала забыть,

что хотела сказать. Невозможная каша в голове её всё ещё бурлила, но уже не закипала, норовя перемахнуть через край.

Максим слушал её, чуть вскинув свои прямые светлы брови, иногда поглядывая на её раскинутые в позу морской звезды, словно замороженные пальцы, выкинутые вперед, и моргал, и не перебивал. Даже когда она не закончила за вечер ни одной своей виртуозной фразы, которые обычно выстроены как архитектурные произведения в стиле барокко.

Да, она снова раскачивала лодку. Но делала это как-то по-странному. Отвлекалась, забывалась. Чет там себе колдовала, словно цепляясь собственным дыханием за движение кистей. Он словно наблюдал борьбу каких-то неведомых стихий. Ничего подобного он прежде за ней не замечал – игра теней, да и только. А он бы – заметил!

Позже, обнимая её перед телеком, он размышлял, что это у неё с руками сегодня? Что за «танцы с бубнами – без бубна»? Что за безмолвные ведьменские заклятия со скромным розовым маникюром нынче у неё в руках? Что с нею происходит, с его чёкнутой красоткой??

Валяясь на неразложенном гостином диване, он зарывался носом в её волосы, бродил щетинистой щекой вдоль её шеи под волосами, щекотал ртом её выглядывающее из стильной туники плечико. Он пробовал её развеселить, и у него – получалось! Иногда он брал её руки в свои, и пробовал расслабить ей многострадальные ладошки, мягко перебирая пальчики. Со временем они расслаблялись. Иногда она ложила руки на его поставленную торчком прическу, норовя поломать аккуратное привычное сооружение, и он кайфовал от того, чего прежде никому не разрешал.

– Фати

– …м?

– Мне так хорошо, когда ты рядом. Ты такой волшебницей бываешь!

Она молчала в ответ, заглядывая в его темные глаза, и уносясь в космос. Никто не умеет произносить ее имя так вкусно, как оннннн…

Sandra – Mirrored In Your Eyes

– А знаешь что?

– Что?

Она смотрела в его лицо распахнутыми глазами, не отрываясь. Добрые тёёёёёплые карие глаза в сочетании с графичным блондином, серая колючая щетина, благородная мордочка… Уютный такой, и тычется в неё носом потешно, и такая любовь у неё ответная к нему, от которой хочется смеяться и визжать – чистая, как всплеск детского восторга. Никогда больше она не испытывала ничего подобного. С тех пор.

– Ты похож на Рэнди. – призналась она.

– На какого?

– На моего золотистого ретривера, которого папа мне маленькой подарил. Когда всё было ещё хорошо.

Она вдруг осеклась.

– Это такой комплимент. Дурацкий. – пояснила она вдруг, явно себя отругав.

– Я понял. – рассмеялся он. Кажется, он и правда понял.

Потом они смотрели фильм, переместившись в свои «апартаменты». Но вместо фильма, разглядывали свои вытянутые навстречу экранным баталиям босые ноги в лучах экранного прожектора. Сравнивали контраст форм и размеров следов и рельеф длины пальцев. У кого второй длинней большого, у кого короче… «Интересно, чьи бы гены победили?» – мелькнуло у нее на долю секунды 25 м кадром.

А ещё они целовались. Много. Незаметно, игриво, мягко… Глубоко. Фати привыкла, что это ни к чему не приведет, и потому нежилась в волнах соприкосновений, не задумываясь, не ожидая, и не просчитывая «а что, если…». Слушала дыхание – звуком и движением, ловила лучи касаний, качалась на этих волнах твердости и мягкости, тепла и дразнящего щекотания.

Раньше в этих актах под условным названием «парочка наедине» она старалась прислушиваться к собственным ощущениям, стараясь найти в них обещанное фильмами и густым пластом слышанного, подразумевающегося под словами «близость, любовь, секс». Но с недавних пор, после перемирия, когда ей пришлось смириться, что игра будет по его правилам, и сейчас он решил вот так… теперь, ничего не ожидая и ни на чем не настаивая, она всё чаще прислушивалась

к тому, как он дышит, как движется, как реагирует, как ускоряется и замедляется, напрягается и расслабляется, подается и отстраняется, зажигается и остужается. Теперь у неё появилось время и пространство на эти изучения. Теперь, когда в её эмоциях освободилось для этого место…

Смирившись с его невысказанным условием перемирия, она неожиданно попала в ауру интимной безопасности, которой до сих пор никогда не встречала. Раньше, оставаясь с мужчинами наедине, она тревожно ждала, что её защитит её статус. Возраст. Чьи-то страхи и пугалки. Защитят. Или не защитят… Как повезет… Теперь же она впервые в жизни оказалась в безопасности, обеспеченной твердым решением мужчины, который рядом. Пришлось побарахтаться, прежде чем принять это решение, отказавшись от того чувства тонуса, когда всё под контролем, и твоя игра не прекращается ни на минуту. Когда она непрерывно замечала – что происходит, что будет, как будет… Этот тонус – время вопросов и ответов самой себе, действий и отступлений, аккуратности и выверенной тактики. Время, которое неимоверно утомляло её.

Теперь же… Эта обретенная безопасность была непонятна ей его мотивами. Но это всё же была безопасность. Надежная. И уютная. Расслабляющая. И очищающая, как купание.

Сначала ритуальные обнимашки происходили под фильм, потом ноутбук был потушен по велению напоминалки на телефоне, что пора спать, а то режим будет нарушен. И тогда обнимашки продолжились в темноте под одеялом. Такие, успокоительные. Пред-сонные. Они потихоньку стихали, как волны инерции. И вскоре сонность и дремота начали побеждать её.

Уже засыпая, погружаясь в негу, она почему-то не сумела отключиться в полную автономию, и перевести фокус на себя, провалившись в одиночество собственного сна.

– Тебе надо? Иди. – произнесла она понимающе сквозь плотную пелену сонности. Вне всяких эмоций, просто зная, что иначе он не уснет. Наверное, ждет, чтоб уйти не потревожив её. Но зачем? Такие условности…

Поначалу, когда начались их совместные ночевки, его сразу же заявившее о себе состояние «взрослого парня, который остался наедине с девушкой», вполне ощутимое в такой обстановке на одной узкой кровати, обескураживало её Льстило, тревожило, привлекало и беспокоило. Она пыталась решить, как с этим всем разобраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.